

Wazamonogatari

Начальные иллюстрации

Демоны Карэн

Арараги Карэн — моё имя, а значит, я и есть Арараги Карэн. Арараги Карэн — это я, а я — это Арараги Карэн. Уж казалось бы, что может быть очевиднее, но мой учитель всерьёз считает, будто я не понимаю даже этой простой истины.

Будто я совершенно этого не понимаю.

Я не понимаю, *чего* я не понимаю. И, пожалуй, даже не осознаю, что не понимаю чего-то непонятного.

Я папина и мамина дочка, братцу — младшая сестра, Цукихи-тян — старшая; мне шестнадцать лет, учусь в частной старшей школе Цуганоки, первоклассница.

И прежде всего — каратистка.

Но учитель, как мне кажется, спрашивала не о моей биографии: эти поверхностные знания её и вовсе не волновали.

Выходит, она копнула глубже и хотела предупредить не только о том, что у меня в руках пусто¹, но и о том, что я пустая внутри?

— Вот уж не думала, что настанет тот день, когда скажу это... Арараги, мне больше нечему тебя учить, — заявила однажды учитель. — Видишь ли, я передала все знания и секреты. Ты уже и так достаточно сильна.

«Даже, пожалуй, слишком», — добавила она в конце.

Учитель внезапно вызвала меня в додзё и наговорила столько всего, что и в голове не укладывалось, — естественно, сбила меня с толку! Зачем так шутить надо мной? С чего вдруг — ума не приложу!

Поэтому я выложила всё как на духу:

— Да как же так — все знания и секреты? Быть того не может! Сколько лет прошло, а я вам и в подмётки не гожусь! Да ведь я же ещё ни разу не одержала над вами победу! Как поступила в ученики, так и проигрывала вам постоянно, скажете нет? — тараторила я, надеясь переубедить учителя.

И казалось, что тем самым лишь расписывалась в собственной слабости.

— Победа, поражение... Ты всё так же видишь лишь чёрное и белое, — вот что действительно не поменялось с начала твоего обучения, — заметила учитель и горько усмехнулась. — А вот знаешь ли ты, что когда человек достигает определённых вершин мастерства, то победы или поражения перестают иметь для него хоть какое-то значение? И это справедливо не только для мастеров боевых искусств, но и для всех в принципе, неважно, кто и чем занимается. Сила и слабость тоже понятия относительные — это лишь временные

этапы, через которые мы проходим на долгом и трудном пути к чему-то большему. Ты утверждаешь, что ещё ни разу не одерживала надо мной победу, но я так не думаю.

— Тогда что же вы думаете? — продолжала допытываться я, однако учитель ответила уклончиво:

— Ты без колебаний бросаешь вызов тем, кто сильнее, и не задумываясь помогаешь тем, кто слабее. В иной раз я бы даже полюбопытствовала, кто же так повлиял на характер непоседы-первоклассницы, ученицы старшей школы, но, думаю, сейчас не лучшее время. Уверена, у тебя на то есть свои причины. Как бы там ни было, именно мотивация завела тебя так далеко, — с этим никак не поспоришь. Однако настала пора двигаться дальше, перейти на следующий этап, — заключила учитель.

На следующий этап.

То есть туда, где победы и поражения, сила и слабость перестают иметь какое-либо значение?

В таком случае, скажу прямо, не очень-то на этот этап и хочется.

Я люблю дух соперничества; выиграю или проиграю — исход не важен; мне нравится становиться сильнее и сильнее. Другими словами, слабачкой быть не по мне.

Как и трусихой, что и шагу ступить не может.

Сама мысль противна!

Хотелось каких-нибудь свершений! Чего угодно!

Сделать всё и вся, что только в моих силах!

А вдруг что-то случится с братцем или Цукихи-тян?! Я не могу покинуть их в трудную минуту, глядеть, как они страдают!

Думаю, в этом вся я.

Ко мне судьба была благосклоннее, чем ко многим другим людям, — это я понимаю прекрасно. Потому и хочу помогать тем, кого капризная не жалует удачей; хочу служить опорой слабым и беззащитным.

Хочу стать борцом за справедливость!

Пускай злословят, будто всё это понарошку, — я не сдамся!

— Благородная цель, не поспоришь. Я бы и сама не прочь взять с тебя пример, — ты не смотри, что я твой учитель. Но всё же послушай-ка мой совет: ты не найдёшь способа достичь своей цели ни в додзё, ни в бою с сильнейшим или слабейшим, а только если повернёшься лицом к самой себе.

Я должна...

Повернуться лицом к себе?

— Загляни себе в душу. Узнай, кто ты такая. Пришло время понять, что ты за человек. Ну-ну, не стоит так напрягаться... Ничего сложного здесь нет. Впрочем, под этой крышей ответов ты не найдёшь. Как я уже сказала, мне больше нечему тебя учить. Дальше ты должна учиться у самой себя.

«Если будешь работать с усердием, чтобы выйти на тот уровень мастерства, который однажды покорила мне, тогда мы обязательно устроим состязание.

Причём не тренировочное — настоящее, и не как учитель и ученик, а как мастера карате», — пообещала учитель.

...Честно признаюсь, на тот момент я совершенно не поняла её слов. Более того, чем дольше слушала, тем труднее было ухватить суть; казалось, будто вслушиваюсь в скет², пытаюсь уловить что-то осмысленное.

Слова греют душу, а — непонятны.

Наверно, я ещё мала для таких разговоров.

Но понять необходимо, если хочу сразиться с учителем на равных... А значит, надо без колебаний ухватиться за эту возможность.

На равных...

С самого прихода в додзё мне ещё не выпадал такой шанс: высота мастерства учителя просто недостижима. Даже в защитном снаряжении я ни разу не побеждала в спарринге. Не смогла в спарринге — значит, контактного боя не видать, но я всё равно не пала духом.

И стремилась всем сердцем к мечте. К самому заветному желанию.

Ради него я пойду на всё!

На всё и вся, что только в моих силах!

Однако что я должна сделать, чтобы добиться своего? Что угодно сделаю, но что от меня нужно?

Вкратце учитель велела, чтобы я повернулась лицом к себе, заглянула себе в душу и осознала, кто я такая, но разве я не просто Арараги Карэн — не больше и не меньше?

— В общем, я хочу сказать, что не могу объяснить тебе, кто ты. И даже твои родные не в силах это сделать. Только ты способна понять саму себя. Тело твоё почти идеально натренировано — это я просто так, к сведению, — и у меня нет никаких нареканий по поводу твоего мастерства. Поэтому я несколько не преувеличиваю, говоря, что теперь ты владеешь всеми знаниями и секретами... А если откажешься принять эту истину, тогда я выгону тебя из додзё. Слышишь — выгону!

Не хочу, чтобы меня прогоняли.

Да уж, учитель любит крайности... Но поэтому-то я и выбрала её.

— Ладно, — продолжила немного погодя мой учитель крайностей, — по крайней мере, подскажу, как тебе повернуться лицом к себе. Дам совет. Хочешь — поступи так же, как и я в своё время, но если способ ничему тебя не научит, то уже всё, над собой никогда не вырастешь.

«Ничего страшного, если твой духовный рост остановится, — утешала учитель. — Будь просто Арааги Карэн — не больше и не меньше. И всё же, чтобы осознать, кто ты есть на самом деле, этим летом...»

— ...советую тебе уйти отшельником в горы.

Примечания

1. «*Каратэ*» (яп. 空手) букв. означает «пустая рука», то есть рука без оружия. Однако прежде на месте иероглифа 空 (*пустота*) стоял омонимичный ему 唐 (*Династия Тан*) — его употребление в словах показывает связь с Китаем, возвышает предмет, о котором идёт речь, — и само слово «*каратэ*» означало «китайское [боевое] искусство», но, в свете недружественных отношений Японии и Китая в период милитаризма первой, в 1935 году было решено избавиться от всякого напоминания о китайском происхождении карате.

2. Джазовая импровизация, где вокалист имитирует голосом музыкальные инструменты.

И вот я, Арараги Карэн, в первый день своих первых летних каникул в старшей школе стояла у подножия горы. С сегодняшнего дня я начну в одиночку преодолевать одну за другой!

Нет, как говорила учитель, преодолевать предстоит не горы, а себя, но, как бы я ни старалась понять её слова, намерения учителя оставались для меня загадкой.

Хотелось бы знать, что она пыталась донести.

Пока ни единой зацепки.

Однажды во время беседы с братцем, а потом и с Цукихи-тян, я как бы невзначай затронула вопрос: что значит «повернуться лицом к себе»? — но достойного ответа не получила ни от кого из них.

— Вот-вот, это важно — повернуться лицом к себе, — сказал братец. — Крайне важно! Внутренний диалог нужно ценить превыше всего. Жизнь в старшей школе, знаешь ли, по большому счёту состоит из общения с самим собой, — выдал он что-то непонятное.

А когда мне говорят что-то непонятное, я ничего не понимаю.

За такое отношение даже хотелось врезать ему как следует!

Цукихи-тян, в свою очередь, рассудила:

— То есть тебе сказали отправиться в путешествие с целью найти своё «я», — так, что ли?

Она что, поняла ещё меньше моего?

Давай, покажи хотя бы зачатки интеллекта, ты, голова!

...Похоже, с этим тоже в итоге придётся разбираться самой.

Кончил дело — принимайся за другое смело¹.

Ну что ж, *ямагомори* — своего рода традиция для практикующих карате², и, раз уж мне велено, значит, другого выбора нет — надо идти. Как же тут не согласиться — я, можно сказать, с нетерпением ждала этого дня!

Любой, кто стремится стать сильнее, обязан пройти этот ритуал.

Я даже думала, а вдруг учитель догадалась о моей сокровенной мечте и так, окольным путём, побудила меня к действию?.. Нет, вряд ли: она вроде бы не такой человек.

Учитель ни разу не деликатная... Скорее, грубая и толстокожая.

Она не любит плутать и говорить намёками.

По сути, характер у неё ещё более прямолинейный и острый, чем у меня: будь где такое ровное, заточенное лезвие, им бы как раз бамбук надвое раскалывать (учитель, кстати, большей частью колола куски черепицы).

Говорит, ей любопытно узнать, откуда у меня такая мотивация, но ведь мой характер сложился отчасти и под влиянием самого учителя — как же иначе? Потому её вопрос тогда очень сильно смутил. Хорошо, что не пришлось отвечать.

Надеюсь, уединение в горах поможет справиться со смущением?

Вот они — три горы *Óга*³, куда учитель посоветовала отправиться.

Дальше предстоял подъём по склонам вдоль горного хребта из цепи трёх гор. Не стану скрывать, что нервничала, пусть и самую малость, но оно и понятно: я ещё ни разу не поднималась на гору и, соответственно, не совершала *ямагомори*.

А что, даже я, бывает, нервничаю!

Вообще, учитель настояла не столько на *ямагомори*, сколько на *такигё*.

Такигё. Омовение в водопаде⁴.

Чтобы добраться до него, придётся подняться по склонам вдоль того самого горного хребта из цепи трёх гор, и уж потом, как велела учитель, встать под поток воды. Ну надо же — *такигё*! — и это в наши-то дни...

Довольно старомодно, но я так взволнована!

Сердце трепещет от восторга!

Нет, серьёзно, оно прямо скачет в груди!

— Водопад Ога — так его называют. Помню, было мне около двадцати, когда я стояла под этим водопадом... Места там почти неизведанные; сначала попробуй доберись до него, — это ещё труднее, чем устоять под струями ледяной воды; Впрочем, я считаю, ты непременно справишься, несмотря на свои шестнадцать лет, — рассудила учитель, после чего, подумав немного, добавила: — А, и ещё: если подъём покажется слишком трудным, сразу же возвращайся назад, ясно? У тебя есть привычка пытаться сделать невозможное... Точнее, привычка *хотеть* сделать невозможное, поэтому отступление отступлением, а опыта ты всё равно наберёшься. И обязательно получи разрешение у семьи, прежде чем отправляться! Всё-таки речь идёт о длительном одиночном походе в горы девочки подросткового возраста, так что не следует относиться к этому спуску рукава.

Её внезапная забота и рассудительность под конец немного подпортили всё удовольствие, но учитель права: дело серьёзное.

Девочка подросткового возраста, одна, в длительном походе — все эти слова только подогревали страсть к приключениям, какая вдруг возникает у старшекласниц в их первое

лето в преддверии какой-нибудь школьной поездки, тем не менее я прекрасно понимала, что восхождение на гору в одиночку вообще-то опасно, а совершать *такигё* — так и подавно!

Это диктует здравый смысл.

Учитывая срочность и внезапность моей просьбы, родители, скорее всего, подумали, что «подъём на гору» означает «вечеринку» на сленге современной молодёжи... Да уж, уговаривать их, Цукихи-тян и братца было костоломно.

И особенно костоломно было с братцем.

До хруста костей.

Даже удивительно, как сильно брат оберегает меня.

Под «костоломно» я имею в виду «трудно», но, несмотря на все сложности, — видимо, он почувствовал мою решимость, что, мол, я пойду в горы, даже если в итоге придётся переломать ему кости, — я всё-таки уломала братца.

Кажется, свою роль сыграл громкий хруст его коленных чашечек.

— Если так сильно хочется — пожалуйста, вперёд, — уступил он. — Тебе это очень важно, насколько я вижу. Но ты меня знаешь: я всё равно приму меры безопасности, чтобы с тобой вдруг чего не случилось.

Что за отвратительно-слащавые речи?

Как это понимать — «всё равно приму меры безопасности»?

Да кто тебя просит вообще?

Цукихи-тян между тем принялась рассуждать:

— Ну-у, горы — в любом случае опасное место, так что не важно, идёшь ты туда одна или в компании. Если человек не хочет подвергать себя опасности, он и не подумает подниматься на гору, правильно? Поэтому что тут ещё обсуждать? — теоретизировала младшая сестрёнка (она очень любит это дело). — К слову, вроде был один альпинист, который на вопрос: зачем вы взбираетесь на горы? — отвечал: «Потому что они есть»⁵, но вот интересно, если бы у него спросили: почему вы потом спускаетесь с гор? — что бы он на это ответил? «Потому что внизу меня ждёт семья»?

«Хоть бы испугалась за сестру для виду!» — хотелось упрекнуть Цукихи-тян, но мне было гораздо страшнее за неё саму. Человек, собирающийся в горы, беспокоится о том, кто в горы даже не собирается, — как это вообще?!

Кстати, в последнее время всё чаще замечаю, что она, взяв одной рукой в охапку свою плюшевую игрушку, втайне от меня занимается какими-то странными делами.

Странно это всё — ведёт себя как ребёнок.

Ладно, куда важнее другое: я получила разрешение у семьи — словом, всё, как просила учитель, — и теперь наконец могу покорять горы! Всё подготовлено так, что комар носа не подточит!

Я даже заранее — а это для меня довольно необычно — составила план действий.

Три горы Ога.

Преодолев гору Ониай, пик Сенсин и гору Кати-кати — все три препятствия⁶, я выйду к водопаду Ога. Если исходить из расчёта одна гора в день, тогда по плану поход туда и обратно займёт у меня всего семь дней.

Одну неделю.

Я в кои-то веки совершаю *ямагомори*, так что, честно говоря, надеялась провести в горах хотя бы год, но этому, к сожалению, не бывать, пока учусь в школе. Ничего не напишешь: выделяю семь дней на летних каникулах и буду по максимуму наслаждаться этой недельной авантюрой.

Ну что ж, пора в путь!

Поправив висевший на плечах двадцатилитровый рюкзак — его одолжила мне мама, — я шагнула вперёд.

Сделала первый шаг на пути к встрече с Арараги Карэн.

Примечания

1. Карэн видоизменяет пословицу «*ёку манаби, ёку асобэ*» (хорошо поучись, хорошо отдохни) — ей очень подходит русский аналог в виде «кончил дело — гуляй смело» — на «*ёку манаби, ёку манабэ*» (хорошо поучись, хорошо поучись).

2. Ояма Масутацу, создатель стиля Кёкусинкай и популяризатор карате, увлечшись традициями самураев, несколько лет добровольно отшельничал в горах, познавая это боевое искусство. В частности, он провёл 14 месяцев в одиночестве на горе Минобу, — его вдохновил на это роман о бытии и приключениях знаменитого самурая Миямото Мисаси, который в конце жизни удалился на ту же самую гору. С давних времён многие самураи практиковали *ямагомори* — духовное уединение в горах. Считалось, что в отшельничестве, через трудности и лишения, совершенствуется дух; отрешение от мира помогает обратить внимание внутрь себя. Практика *ямагомори* и по сей день расхожа среди каратистов.

3. Название местности букв. означает «встреча с самим собой», то есть «самопознание».

4. Изначально ритуал *такигё* имел религиозное значение. Люди вставали под водопад, чтобы очиститься от скверны, помолиться о богатом урожае или обильном дожде. В современности *такигё* практикуется в основном, чтобы снять повседневный стресс, закалить силу духа, познать себя, избавиться от плотских страстей или просто пережить нечто необычное.

5. Это слова Джорджа Мэллори, британского альпиниста, который считается первым человеком, предпринявшим попытку восхождения на Эверест. В частности, в одном из интервью газете «Нью-Йорк таймс» журналист спросил у него: «Почему вы хотите подняться на Эверест?» — на что Мэллори ответил: «Потому что он есть».

6. Названия первых двух гор переводятся соответственно как «встреча с демонами» и «тысяча игл», а название последней — звукоподражательное слово, которое означает цоканье или клцанье. Ога — вымышленная местность; Нисио Исин, впрочем, скорее всего, вдохновлялся реально существующими тремя горами Дева: Хагуро, Гассан и Юдоно. В Японии давно существует культ поклонения горам, и эти знамениты тем, что почитание их началось свыше 1400 лет назад, — это больше, чем у любой другой горы. Они испокон веков являются священными для *ямабуси* (горных отшельников) и местом паломничества для исповедующих синто, буддизм и сюгэндо. Считается, что три горы Дева символизируют три стадии: рождение, смерть и возрождение.

И тут же зашла в тупик. Конечно, у самого начала тропы, которая ведёт на гору, не может быть никакого тупика, — это лишь образное выражение.

Тем не менее я в тупике.

Вообразив себя умудрённым опытом и предусмотрительным альпинистом, я решила, что перед тем, как лезть в горы, не помешает — на всякий случай — изучить маршрут подъёма, но, достав из кармана толстовки карту, которую мне дала учитель, и взглянув на неё, растерялась.

«Что это за ужас?!» — хотелось прокричать от возмущения.

Впервые в жизни я видела подобную карту. Какое там найти горный маршрут! Не поймёшь даже, где сейчас торчишь!

Это шифр или что вообще? Я такое читать не умею!

Повсюду бегали туда-сюда какие-то беспорядочные линии: складывалось впечатление, что, если смотреть чуть поодаль, они вот-вот сформируют стереоизображение. То есть учитель хотела отдать мне карту, но по ошибке всучила произведение какого-то современного художника, так получается? Я в этом не особо разбираюсь.

Ни в искусстве, ни в современных веяниях.

— То не простая, а топографическая карта, — вдруг раздался чей-то голос.

Услышав, как рядом внезапно заговорили, я даже дёрнулась от страха! Нет, «рядом» — ещё не то слово: кто-то незаметно встал прямо возле меня, прижавшись сбоку почти вплотную!

Но куда страшнее голоса был тот факт, что я так вдруг подпустила к себе незнакомого человека да ещё на такое близкое расстояние... Это ж как надо было уйти в карту с головой, чтоб не заметить?!

Посмотрев через плечо, я увидела девочку, на вид ученицу средней школы; её волосы были убраны в хвост... Кстати, я тоже завязала себе хвостик, как раньше, — всё-таки в горы иду, — однако эта девочка, что примечательно, была светловолосая.

И глаза её были такие же светлые — цвета золота.

Наверно... иностранка?

Не похоже, чтобы волосы были крашенные или в глазах — цветные контактные линзы... Да и что-то высоковата она для среднеклассницы, хотя до меня тоже не дотягивает.

К началу первых летних каникул в старшей школе мой рост наконец достиг отметки в 180 см, а в этой девочке — так, на глаз — было, наверно, где-то 170?

Если она иностранка, то её поведение можно списать на «культурные различия», иначе бы девочка не приблизилась ко мне *так* близко, прежде чем заговорить. Слышала, что в некоторых странах во время приветствия даже принято обниматься и целоваться, — это заложено в их традициях.

Что ж, в таком случае...

— Привет! — поздоровалась я, несколько успокоившись, но не теряя бдительность.

Когда, поднимаясь в горы, встречаешь людей, принято здороваться, — это вроде считается хорошим тоном. Думаю, от меня не убудет — что такого в простом приветии? — хотя я ещё, по сути, и подниматься-то не начала.

— Угу. Не бойся, тебе нечего опасаться¹.

...После такого ответа я ощутила, будто действительно что-то убыло; видимо, это ещё один пример «культурных различий»?

Или девочка пока только учится языку?

А может, она поднатаскалась, пока смотрела исторические драмы на японском?

И всё-таки не мне её судить: я и свою-то речь не могу назвать прекрасной.

— Эм-м... Что ещё за «топографическая карта»?

— Грубо говоря, карта эта для наторелых странников. Здесь до мелочей намечен весь околоток: высоты, низины, ущелья — словом, горный рельеф. Да токмо новичкам она не по плечу: тягостно по ней путь-то искать — хоть в петлю полезай! А, и это, как его, я сама-от как раз соспустила с горы, да...

Эта девочка что, реально учила язык по историческим драмам?! Объясняется такими старинными словами... Стоп, она ещё и альпинистка?

Узнав об этом, я облегчённо вздохнула. А ведь и правда: если приглядеться — на ней вон тоже толстовка и шорты, как у меня.

Её обувь непозволительно сверкала чистотой — странно, ведь девочка только что спустилась с горы, — и снаряжения при ней никакого не было, но я думаю, всё дело в том, что она просто очень опытная, поэтому не испачкалась и ходила налегке.

— Вот. Мне более не надобно — дарю. Не робей же — бери, — предложила Блонди с Хвостиком и отдала лист бумаги, сложенный вчетверо; развернув его, я увидела карту, по-видимому, трёх гор Ога.

Нет, точнее, первых двух из трёх.

Значит, только гора Онияй и пик Сенсин?

Между прочим, для последней горы, Кати-кати, вообще не существует каких-либо карт, — это мне ещё учитель говорила. Наверно, на топографическую она тоже не нанесена.

Но я рада карте и двух гор: она хотя бы понятна и по ней можно проложить маршрут — большего мне и не надо.

— Спасибо, выручила.

— Да полноте! Любителям гор подобает помогать один другому, потому как нет ничего важнее взаимовыручки. А, и вот тебе ещё кое-что напоследки, — Блонди с Хвостиком протянула плитку шоколада, нераспечатанную, размером с ладонь. — Она придаст сил в пути. Не отпирайся: мне посулили два шоколадных пончика, если я вручу тебе это. Плёвое дело!

«Посулили»?

Пончики? Кто?

В душу закрались подозрения, но девочка, не дожидаясь расспросов, оставила меня со словами: «Ну, не поминай лихом. Ступай осторожно» — и исчезла. Чудеса какие-то! Язык не поворачивался назвать это иначе, как «исчезновением».

Она ушла невероятно красиво.

Даже показалось, будто девочка — серьёзно! — растворилась в моей тени, когда я на секунду замешкалась, удивляясь плитке шоколада, сунутой прямо в руки.

Да как же, в тени она растворилась!

Пха-ха, вот это я отожгла!

Мысленно сравнив девочку с ниндзя — и плевать, что та вообще-то иностранка, — я отправилась в горы, на этот раз уж точно. И первой на моём пути будет гора Онийай.

Может, на ней мне и в самом деле повстречаются демоны?

Примечания

1. В пьесах, написанных в период Эдо (1603-1868), фраза «*курусюнай*» стала отличительной речевой особенностью сюзеренов, хотя известно, что её употребление встречалось ещё на несколько веков ранее в «Повести о доме Тайра» (скорее всего, оттуда она и пошла «в народ»). Авторы использовали эту фразу, чтобы облагородить, возвысить речь сюзеренов, показать их расположение к вассалам. Говоря «*курусюнай*», сюзерен просил вассала расслабиться и вести себя менее формально в своём присутствии. Впрочем, доподлинно неизвестно, действительно ли сюзерены того времени употребляли «*курусюнай*» в своей речи. В современности её можно услышать в исторических драмах, охватывающих период Эдо.

Я из тех людей, кто привык полагаться на физическую силу.

Можно сказать, это единственное, на что я готова положиться.

В копилке моих достижений есть даже марафонский забег, а в нашем додзё я успешно завершила хякунин-кумите¹ с перевесом в счёте выигранных боев.

И хотя я начала заниматься карате только в средней школе, но здоровьем и энергией отличалась всегда и с начальных классов любила играть во всякие подвижные игры на улице. Считаю, успела перепробовать почти все большие виды спорта (ну, кроме тех, где правила оказались чересчур сложными) и добилась там определённых успехов.

Поэтому в какой-то момент перестала воспринимать подъём на гору серьёзно, при том что всем известно — и я тоже отлично знала, — что лезть на гору, тем более одной, — опасное и страшное дело.

Я отлично это знала, но не придавала значения.

Казалось, я пришла хорошо подготовленной, но мне следовало догадаться, что это не так, ещё когда вместо нормальной карты я обнаружила у себя топографическую.

Подумаешь, горы! Просто шагай себе вперёд!

Левой, правой, левой, правой: переставляй ноги — и всё тут!

...Нет, я, конечно, не относилась к подъёму *настолько* легкомысленно, но мне так сильно хотелось как можно скорее окунуться в водопад, что начала двигаться вверх по склонам прыжками и скачками, не заботясь о комфортном для себя темпе.

Ту-дум-ту-дум, бах-бах — эхо разносило частые шаги на всю округу.

Но это я зря так сделала. Конечно зря: в горах одна грязь — вон как забрызгала обувь!

Мыслями я была уже там, у водопада, и даже не задумывалась, чего мне может стоить дорога к нему.

Большинство экспертов, видимо, сходятся во мнении, что если не все три горы Ога, то хотя бы гора Онияй считается безопасной. Сама я ни о чём таком не слышала, но если иностранная туристка — среднеклассница на вид — приехала сюда, чтобы ползать, то вывод напрашивается сам собой.

В голову даже взбрела идея: «А может, вообще на бег перейти, как во время трейлраннинга?»² — но я всё-таки решила, что обойдусь и так. Если следовать плану, то на поход должна уйти всего-то неделя.

Быстрый подъём утомляет.

Так что лучше экономить силы.

А то вдруг ещё споткнусь, упаду и получу какую-нибудь ужасную травму, на которую и взглянуть-то будет страшно? Меня заставили взять с собой на всякий случай аптечку, но даже с ней можно оказать себе лишь первую помощь.

И поэтому я особо не торопилась, а шагала себе и шагала по маршруту, поднималась всё выше и выше на гору Онийай, взяв «слегка быстрый темп».

По пути в голову пришла смелая теория, что название горы на самом деле означает не «встреча с демонами», а «подходит начинающим» (я не сразу сообразила, что точно так же возможен вариант «подходит профессионалам»)³.

Однако шанс пересмотреть эту теорию выпал неожиданно скоро.

— Насчёт еды... Ну, тут особо переживать не надо: кое-что можно и на природе раздобыть, — заверила перед походом учитель, и я, послушав её, вбила себе в голову, что в горах на каждом шагу встречаются мини-маркеты, торговые автоматы и всё такое, но вдруг заметила, что почти полдень, а ничего похожего на пути так и не попало.

А?

Странно.

Стоп, а что в этом странного?

Как только заметила, сразу поняла, как же глупо было считать, будто в горах уже понастроили мини-маркеты. Сомневаюсь как-то, что и во времена странствий учителя розничные сети могли похвастаться ростом спроса на франшизу и пооткрывать тут свои точки⁴.

А если бы кто захотел, чтобы в горах работали торговые автоматы, пришлось бы проложить провода... Только что-то я не вижу на своём пути ни одного столба с линией электропередач!

Вокруг нет и намёка на электричество!

Другое дело, если бы кабели протянули под землёй. Но надежды мало, так что вряд ли я разживусь едой, как планировала изначально.

Причём это только первая гора; выходит, на второй и третьей я проголодаюсь ещё больше? Реально, что ли?

Да вы издеваетесь!

Предлагаете терпеть лишения женщине, которая привыкла есть в два раза больше обычного человека?

Девушке, уминающей по три чашки риса в день?⁵

Понятное дело, что я не пошла в горы ни с чем: в рюкзаке за плечами у меня всё-таки лежала кое-какая еда.

Я же не настолько дура, чтоб не взять в дорогу поесть!

Однако с собой у меня был только рис.

Рис и походный котелок с переносной газовой горелкой.

Видно, я очень хотела испытать на себе *ямагомори*, если судить по тому, *что* взяла с собой в горы, однако даже практики горного аскетизма не сидят на одном пустом рисе, — это слишком стоическое смирение⁶.

Ладно, с едой ещё туда-сюда, а что с водой? Бутылка энергетика, втиснутая в узкий боковой карман рюкзака, была до того крошечной, что смотришь и умиляешься.

— Маленькая же — тащить не тяжело, зато как удобно! — с этими словами Цукихи-тян, руководствуясь добрыми намерениями, всучила мне бутылочку, пока я собирала рюкзак; кто бы мог подумать, что мне это так аукнется? А я ещё предвкушала рефил⁷ в какой-нибудь кафешке по пути, когда энергетик выпью.

Здесь и мини-маркетов-то нет, так что лучше не грезить кафешками. Ну и где же мне теперь искать «Латте-латте на Соевом Молоке»?

— Дорожи бутылочкой, как если бы на её месте была я! У-ху-ху, ладно, можешь даже не благодарить! — сказала тогда Цукихи-тян, и губы её расплылись в горделивой улыбке; сестрёнка приняла такой вид, будто сделала мне большое одолжение. А если учесть мои недавние открытия, то ничего, ничегошеньки, стоящего благодарности, она не сделала! Аж захотелось выбросить эту бутылку к чёртовой матери, и плевать, что причиню ущерб окружающей среде!

Но вообще, если учесть, как долго придётся идти, меня бы и баклажка не спасла: столько же толку, сколько от капли на раскалённом камне⁸... А с моими запасами воды даже на камень лишний раз не капнуть!

Вот так, отправившись в одиночное плавание, я напоролась на гигантскую подводную скалу и теперь вынуждена сражаться за жизнь. Выбора нет: придётся снизить темп ходьбы.

Если всё реально так плохо, надо поступить по-умному: развернуться и пойти назад, сейчас же! Но я-то себя прекрасно знаю: на такой шаг уж точно не пойду, я ведь ещё не повернулась лицом к себе.

В этом вся я, Арараги Карэн.

Примечания

1. Высшее испытание мастерства и силы духа в карате, состоящее в непрерывном проведении 100 боёв с поочерёдно меняющимися (через каждые две минуты) противниками. По правилам испытание считается пройденным, если претендент выдержал все 100 боёв без отдыха и при

этом победил хотя бы в половине из них. Бои проводятся в полный контакт (сила ударов не ограничена).

2. Спортивная дисциплина, бег по природному рельефу с большим перепадом высот. Включает элементы кросса и горного бега. Для трейлраннинга обычно выбирают холмы, горы, пустыни и густые леса.

3. Иероглифы в названии горы (鬼会) однозначно трактуются как «встреча с демонами», однако на слух оно омонимично другому слову — お似合い (подходящий), — которое, соответственно, тоже читается как «ониай».

4. Вид предпринимательской деятельности, когда бизнесмен открывает собственный ресторан, магазин или другое предприятие под вывеской известной компании, называется франчайзинг. Компании, которые занимаются франчайзинговой деятельностью, продают свою франшизу, то есть право пользования брендом, бизнес-модель, технологию производства. Например, «Макдоналдс» является самой известной франшизой.

5. Считается, что порция риса обычного человека в среднем составляет меньше, чем полчашки, и девушкам не рекомендуется есть больше 1 такой порции риса в день, чтобы не набирать лишний вес. Но спортсмены, занимающиеся интенсивными тренировками, едят больше риса. Карэн, скорее всего, сидит на особой рисовой диете. Японские диетологи советуют девушкам, для поддержания необходимой формы, есть по 1 чашке риса 3 раза в день, добавляя к этому по вкусу по 1 чашке зелени и супа с мисо. Популярность и легкость этой диеты обусловлены тем, что все нужные ингредиенты можно запросто купить в любом мини-маркете.

6. Практика уединения в горах для каратистов не ставит себе целью слишком строгий аскетизм, — это даже не приветствуется. В наши дни никто не занимается охотой на диких зверей или собирательством, чтобы прокормиться: каратисты сразу берут с собой все необходимые вещи, еду (рис, консервы, лапшу быстрого приготовления и т. п.) и даже могут спускаться с горы, чтобы восполнить запасы. *Ямагомори* в первую очередь нужно, чтобы через медитацию познать себя, а не ради интереса выживать без еды и воды.

7. В некоторых ресторанах быстрого питания автоматы по раздаче напитков стоят не за кассой, а прямо в зале и доступны любым посетителям. Рефилом называют второе и последующие бесплатные наполнения стакана или бутылки с напитком.

8. Выражение «капля на раскалённом камне» (*якэ-иси ни мидзу*) означает, что прилагаемые действия бесполезны и не дают достаточного эффекта. Капля воды, пролитая на раскалённый камень, не остудит его, а только испарится.

В итоге с питьём кое-как разрешилось... Да, я из тех, кто привык полагаться на одну физическую силу, и про мозги так сказать не могу, но если припрёт, то у любого котелок заварит на пределе возможностей.

Не веря в собственный интеллект (привычное для меня дело), я усиленно зашевелила извилинами.

Решив немного отклониться от тропы, которая вела напрямик к вершине, я довольно скоро набрела на речку с родниковой водой.

Просто шла туда, откуда доносился плеск воды.

К дарам матушки-природы.

Теперь более-менее ясно, что значила фраза учителя «кое-что можно и на природе раздобыть»... Пока речка рядом, смерть от обезвоживания или гипертермии мне, вероятно, не грозит.

Вода в ней такая прохладная и вкусная!

Вот же она — вся прелесть восхождения на гору!

Я позабыла ровным счётом обо всём, что ещё недавно камнем лежало на душе, и не успела опомниться, как повеселела и оживилась, — такая уж у меня по-детски простая психика, — но вместе с тем, полностью постигнув смысл слов учителя, неожиданно поняла, что поперёк дороги встала новая неприятная проблема.

Добыча.

Если я правильно называю поиск родника «добычей питьевой воды на природе», то разумно прикинуть, что к добыче относится и поиск еды, то есть «добыча пищи на природе».

Так вот оно что? Понятно, понятно...

А ведь я видела их!

Невооружённым глазом!

Всё это время на пути мне попадались белки, зайцы всякие или какие-то другие дикие зверьки... «А-а! В городе такое ни за что не увидишь! — умилялась я. — Они такие милашки! Хи-хи-хи, как это мило и по-девчоночьи — считать маленьких зверюшек милашками!» — и долго ещё продолжала раздумывать в подобном ключе, будто маленькая миленькая девочка.

...И что, есть их теперь?

Чтобы восполнить белок?

— ...

Нет, как бы много я о себе ни мнила, будучи каратисткой, а на такое не пойду: учитель, конечно, загнула — двадцать первый век на дворе! — что она требует от простой старшеклассницы?

Да я морально не готова убивать зверушек!

Одно дело, пока лазаешь в горы, учиться самостоятельности, но совсем другое, когда поход вдруг превращается в выживание, и мясо слабого теперь пища сильного, а тебя толкают пролить кровь¹. Тут любой новичок растеряется, слишком тяжёлая задача.

Но послушать меня — так говорит какая-то неженка!

Будто я изнежена, а жизнь моя — сладкая конфета!²

Человек живёт тем, что каждый божий день поедает живых существ. Даже прикинуть не могу, сколько микробов выпила вместе с водой, которую только что жадно хлебала прямо из речки.

А сколько муравьёв раздавила, пока поднималась в гору? Одним явно не обошлось! Так что не сказала бы, будто учитель толкала на какую-то особую жестокость.

Видимо, она посчитала, что с меня хватит и короткой фразочки в духе «кое-что можно и на природе раздобыть»... Это просто я, глупая, ничего не поняла.

Могла бы и догадаться!

Спасибо ей, конечно, за урок и всё такое — но!

Само по себе странно то, как я серьёзно рассуждаю, что вот надо подготовиться и решительно съесть кого-то... Это противоречие открыло мне глаза: я привыкла жить на всём готовом.

Без обязательств.

Так нельзя!

Однако это лишь следствие, и, если детально остановиться и разобрать всё, что сейчас со мной произошло, откроется ещё более масштабная правда, а с ней и первопричина: мне недостаёт всего подряд.

Подготовки, решимости, но больше всего — навыков.

Можно сколько угодно полагаться на своё мастерство в карате, но у меня по факту нет специальных знаний, а ещё опыта ловить зверей, причём без всякого там оружия; понятия не имею, как ставить силки и всё такое. Даже нож не прихватила, а он бы пригодился, чтобы, к примеру, освежевать добычу.

Я полезла в горы с *пустыми руками*, — это слишком даже для практикующего *карате*.

Ладно бы ещё в стенах додзё — там, по крайней мере, большое открытое пространство, — но ловить диких животных на горе, заросшей лесом, — выше моих сил... И хотя я решила бросить себе вызов, то есть не ограничиваться зверями, а попробовать голыми руками поймать рыбу из речки, но ничего у меня не вышло.

Только промокла до нитки.

Вода смыла с меня весь пот, но я зря так яростно в ней бултыхалась: лишь напрасно вымоталась... А если и не напрасно, если и вынесла какой-то урок, то всё равно ощущала себя беспомощной. Может, и жестоко так говорить о себе, но я, кажется, не доросла даже до того, чтоб сообразить, как раздобыть еду и как приспособиться, чтобы выжить.

Всё в точку — всё обо мне!

Самодостаточность...

Похоже, это сложнее, чем казалось на первый взгляд.

«Лишь те, кто действительно наделён силой, могут задумываться о том, применять её или нет», — вспомнились мне (жаль, что поздно) слова учителя... Стоп, или эту фразу я слышала от брата?

В общем, тем днём на обед пришлось довольствоваться пустым рисом.

Который и собран-то был не мной.

Его даже не я покупала.

Примечания

1. В Японию идея «закона джунглей» пришла из Китая. Впервые её сформулировал Хань Юй (768-824), китайский философ, историк и писатель. В «Предисловии к проводам буддийского наставника Вэньчана» он рассуждал о том, что именно может удержать людей от уподобления животным и позволить жить сытно, без тревог до самой смерти. Будучи яростным противником буддизма и истины, что «жизнь связана со страданием», Хань Юй писал Гуйцзюнь Вэньчану: «Птичка наклоняет голову, чтобы клонуть червяка, и озирается по сторонам, потому что знает: дикий зверь, живущий в глубокой пещере неподалёку, иногда выходит из неё, чтобы найти себе добычу. Животные боятся, что им могут навредить другие животные, однако же вреда никому не избежать: мясо слабого — пища сильного». Единственным выходом из этой ситуации Хань Юй видел построение общества, основанного на идеалах древнего конфуцианства (ритуальное соблюдение обязательств, этикет, гуманность и т. п.).

2. Изнеженного, чересчур чувствительного человека описывают выражением 甘えた人 (*амаэта хито*), и дальнейшее сравнение с конфетой идёт неспроста: иероглиф 甘 означает «сладкий».

Кулинария явно не моя сильная сторона.

Дома я почти не готовила, а на горé тем более не приходилось...

Ну, разве что в школе на уроках домоводства, — вот и, считай, всё.

Летом, во время каникул и отпусков, наша семья никогда особо не рвалась выбраться на природу, а как только братец перешёл в старшую школу — об этом и думать забыли.

По правде, я ещё ни разу не пользовалась утварью, которую взяла с собой.

Помню, рассуждала перед походом: «Может, лучше накидать в рюкзак чего-нибудь, что хотя бы не долго и не мучительно готовить?» — но...

— Нет, так не пойдёт! Ты должна почувствовать дух *ямагомори* во всей красе, а если возьмёшь современные приборы — убьёшь всю атмосферу старины! — настаивала Цукихи-тян. — Ничего, я добрая, так что научу тебя как следует стряпать в котелке на открытом огне! Слышишь — как следует! Единственное, чего я не смогу объяснить, — это как пишется слово «стряпать», но оно тебе и не надо!¹

Цукихи-тян тоже, по идее, не должна в этом разбираться, потому что, как и я, никогда раньше не ходила в походы, однако сестрёнка и умела, и любила, и гордилась тем, что хорошо готовит, — удивительно, но у неё большие шансы выжить в экстремальных условиях.

Она хоть и дура писаная, но в борьбе за выживание, как видно, обладает серьёзным преимуществом.

Думаю, Цукихи-тян даже на горе раздобыла бы еды, причём совершенно спокойно. Будучи штабным офицером Огненных Сестёр, ответственным за разработку и планирование, она бы наверняка сообразила вполне рабочие силки и расставила их где надо.

Итак, следуя указаниям сестрёнки, я взяла котелок, зачерпнула им воды из речки и, насыпав внутрь рис, поставила его вариться на переносную газовую горелку... Вроде бы ничего сложного, но готовить было так мучительно и смертельно тяжело, что стыд разбирал.

Просто убожество! Неужели я даже на такое не способна?

А не в этом ли, случае, смысл наставления учителя «повернись лицом к себе»? Типа «почувствуй, как трудно жить самостоятельно»?.. Или «правильно оценивай свои возможности»?.. Только, кажется, я бы и так это сообразила, без необходимости лезть в горы и окунаться в водопад.

Достаточно было устно передать — я бы усвоила.

Наверно, ни к чему рассказывать, сколько риса в итоге подгорело — и пропало даром, да и, честно, даже не хочется говорить, каким невкусным он получился, при том что варился на

такой вкусной воде, — давайте без деталей, просто забудем об этом. Хотя запах от него во время варки шёл неплохой.

Да, по-моему, вкусный.

И дикий медведь, видимо, посчитал так же.

— Чт... Медве-е-е-е-е-е-е-е-едь?!

Первое, чего ни за что нельзя делать, когда неожиданно столкнулся с хищником (даже если это произошло в зоопарке), — *кричать и паниковать*, и я знала об этом наперёд, только вот одно дело — теория, а другое — жизнь: увидев, как из лесу ко мне вышел настоящий дикий медведь, я просто не могла не заорать во всю глотку.

Блин, да он же просто гигантский!

Медведь!

Самый сильный и опасный зверь!

А этот ещё и не один — в группе!

Их было четверо!

«Так, погоди-погоди, мы же не в каком-нибудь детском мультике, — разве в реальном мире медведи живут группами?» — но что было толку гадать, если я этого не знала (ни одна другая ситуация не заставит меня стыдиться своего незнания больше, чем эта) и не могла сказать наверняка; а вообще, мне всегда казалось, что медведи — одиночки и группы не образуют.

Если и существуют исключения из правил — это был наглядный тому пример.

Самка с выводком.

Впереди всех, по-видимому, стояла мать, а трое размерами поменьше (но всё равно огромные), наверно, были её детёнышами.

Когда смотришь на маму, окружённую тремя ребятишками, то прямо чувствуешь, как от неё исходит ощущение безопасности и заботы к своим детям, отчего и тебе самой внутри становится тепло и уютно, но это лишь в том случае, если мы говорим о людях: от группы медведей впечатления были совершенно другие!

Медведица с медвежатами.

Её ни за что нельзя провоцировать.

Общеизвестный факт, все знают; даже я, позорный неуч, в курсе... Скажу больше: если они пришли сюда на запах еды, то медвежья семейка точно проголодалась.

Казалось, самое худшее уже случилось...

Но нет — хуже всего, что делиться с медведями было нечем: риса не осталось. Даже зёрнышка, прилипшего ко дну котелка!

Стоп, а медведи вообще едят рис? Может, их просто привлёк приятный запах, пока они шли к речке половить рыбу?

...Ладно, едят ли медведи рис — не самая главная проблема: меня беспокоил не только страх, который парализовал тело, но ещё и вопрос, а не едят ли они людей²?

Не охотятся ли на нас?

Сценка с медведями, наверно, только со стороны умилительна, а по факту всё очень серьёзно.

Серьёзнее некуда.

Я слышала разные, смахивающие на легенды, истории — такими обросло не только карате, но и другие боевые искусства по всему миру, — в которых люди, впадая в состояние одержимости, добивались блестящих побед в схватках с крупными хищниками вроде того же медведя или льва³. Но куда мне тягаться с четырьмя медведями, если я даже белку поймать не сумела?

Да я бы и с зоопарковскими мишками не справилась, а эти-то вообще дикие!

Неприручённые!

Удивительно: бойцовский дух, сила воли, решимость, выраженная желанием сразиться с медведями, и человеческая гордость — всё это мигом улетучилось, когда я заглянула животным, которые повернули ко мне морды, прямо в глаза.

Всё это исчезло без остатка.

Они смотрели на меня как на еду.

Как на добычу, пищу!

— А-а, — едва слышно выдохнула я, и меня как озарило.

Похоже, что проблема с едой логично и правильно решена, а я столько ломала голову.

Мне как будто открылась правда, до которой я бы сама не додумалась, но такая очевидная, нерушимая, незыблемая... Вкратце люди тоже еда.

Всё закончилось тем, что мясо слабого, то есть меня, станет пищей сильного — медведя. Пищевая цепь.

Я и медведи — звенья одной цепи. Сцепленные друг другом.

Организмы одного звена поедают организмы предыдущего.

— ...

Но это же не значит, что если я вхожу в пищевую цепь, то должна, словно бы достигнув духовного просветления, мужественно смириться с участью быть съеденной!⁴

Ни за что!

Я не хочу умирать! Не хочу, чтоб меня ели!

Я ещё и одной горы не прошла, не говоря уж о *такигё*! Учитель, конечно, в своём духе — как всегда не договаривает, — но почему она не предупредила, что здесь водятся медведи?!

Или это моя вина: не надо было отклоняться от маршрута в поисках воды? Может, это не медведь меня выследил, а я сама вторглась в их владения?

Вместо демонов повстречала медведей...

Уж лучше б демонов, чесслово!

— Чёрт! Выбора нет: придётся драться!

— Остолоп человек! Ишь чего удумала — *драться* она лезет!

Приготовившись к худшему, я напрягла живот, стиснула кулаки и уже собралась с ними налететь на медведей, как вдруг обе мои ноги взмыли в воздух: кто-то опрокинул меня на спину.

Обхватил сзади туловище и, казалось, провёл успешный бросок прогибом... Но нет, он не доделал его до конца.

Иначе я бы уже умерла: это место на склоне горы повсюду усеяно камнями.

Об них можно запросто разбить череп — оттуда бы хлынули мозги, которыми медведи с радостью бы полакомились. Зачем кому-то пытаться облегчить медведям жизнь?

— Не шевелись знай! Они б и твоим животом, поди-ка, *с радостью полакомились* — много смыслу напрягать! Подай вид уже, точно померла, ну!

Тот, кто был позади (мы оба застыли в позе, напоминающей мостик), выдав остроумное замечание, выпустил меня из захвата, и я тут же легла всем телом на землю, — так близко к ней остановился бросок... Стоп, а кто был сзади меня? Я повернула голову...

Кто это?

У неё были светлые волосы, собранные в пучок на затылке.

Девушка лет двадцати в красивой, модной кофточке и слаксах.

— А... А-а? Не... Недавно, у подножия горы, я встретила девочку — вы так похожи на неё!
— наверно, родственники?

— Да. Кузины, — сказала она как отрезала; её голос звучал решительно, даже не оставляя простора для возражений.

В принципе, у них схожие черты лица, так что, скорее всего, они и правда две сестры.
Единственное, Блонди с Пучком была с меня ростом.

Я совершила грубейшую ошибку — собралась не только отработать на медведях пару или тройку красочных приёмов из реслинга, но и подойти к ним на дистанцию боя⁵, — при том что справиться с такими противниками не могла; кажется, девушка еле-еле...

Спасла меня.

Прямо как её кузина.

...И без всяких язвительных замечаний понятно, что я, должно быть, впала в припадок безумия — как иначе объяснить отчаянную попытку броситься на диких медведей, словно какой-то камикадзе? Наверно, просто потеряла самообладание.

— Вот те раз! Первый день — на неё уж медведи нагрянули! Такая ж непутёвая, как и *братец* твой: шагу не ступит, чтоб куда-нить не вляпаться!

— А? Вы что, знакомы с моим братом?

— ...

Блонди с Пучком помолчала немного, а затем ответила:

— Глянь-ка, у неё уж и галлюцинации! Знать, не воротилась к тебе трезвость ума, коли вздор всякий слышится! Да как ж такое быть-то может, чтоб какой-то горовосходитель, *лишь волею судьбы* подвернувшийся тебе на пути, с братцем твоим знакомство имел? Скажи ещё, точно я претворяю его наказ следить за тобой из тени, — вот уж чего нет так нет! — её речь обрушилась на меня, словно мощный горный поток.

Боже мой, что я несу — конечно, она права! Просто, когда рядом с тобой лежит до того красивая иностранка, что согласишься на неё — и забудешься, согласишься — и глаз нельзя оторвать, — когда где-то рядом ещё до кучи стоят четверо медведей, сохранить ясную голову нереально!

Да и вообще, в такой ситуации нельзя оставаться хладнокровной!

Эта девушка остановила меня, обрубила никчёмное рвение, когда я чуть было не полезла с кулаками на медведей, — безусловно, я обязана ей по гроб жизни, — тем не менее проблема никуда не делась... Положение всё такое же опасное.

Нет, даже больше: оно ухудшилось!

Бесконечно ухудшилось!

Если группа медведей из матери и трёх медвежат нагрянула ко мне по вине моей же непредусмотрительности (зато я *ой как предусмотрительно* успела выключить огонь у горелки, что только, наоборот, обернулось против меня: дикие звери боятся огня — как же я упустила это из виду? Бывшая Огненная Сестра, называется — куда деваться!), то можно сказать, что я получила по заслугам в широком смысле этого слова, так ведь как будто этого оказалось мало: я ж ещё утянула за собой и прилетевшую в Японию из далёкой страны туристку, которая чисто случайно проходила мимо!

Ощувив, как внутри пробудилось чувство предназначения — *если самой не спастись, то хотя бы помочь этой девушке!* — я вскочила, крикнула Блонди с Пучком:

— Бегите! Я их задержу! — загородила её своим телом от медведей и раскинула руки крестом... Никогда бы не подумала, что мне хоть раз в жизни посчастливится сказать фразу в духе «идите вперёд, я здесь справлюсь сама!».

Я даже поверила, будто для меня честь защищать её!

Что ж, в части слова «задержу», если прочитать задом наперёд, есть «еда», — это уже ближе к сути: я задержу их потому, что меня будут есть... Но не будем о грустном; в общем, надо потянуть для неё время!

Не важно, выиграю я или проиграю... Хм?

Вроде бы учитель о чём-то таком говорила, да?

Нет, сейчас не время об этом думать: мне предстоит схватка с четырьмя медведями — я не могу позволить себе рассусоливать!

— Ну давайте, медведи, посмотрим кто кого! — я окончательно потеряла хладнокровие (даже буквально: казалось, кровь кипит, волнуется в моих жилах!) и закричала, больше для себя, чтоб раскошегариться, — но вдруг...

Медведица, а за ней и трое медвежат, развернулись в сторону леса и, пришибленные, устремились прочь, словно бы сила моего сердитого взгляда, которым я наградила их, могла и вправду пришибить.

Хотя «пришибленные» — не то слово: слишком мягкое; на самом деле, звери во всю прыть улепётывали в чащу; я провожала их спины тем же свирепым взглядом; какое-то время они ещё мелькали между стволов, но вскоре вовсе исчезли в зарослях.

— А? Куда?..

— Ка-ка! Чему тут рот разевать — косолапый-то сам по себе порядком пугливый зверь! Если человек много шумит да колобродит, звуки эти испугают медведя: он и подойти не дерзнёт — враз драпака даст в другую сторону! Почитай-от, яростный рёв твой и нагнал на них страху! Глаз у меня намётанный, — это я тебе без просчёта скажу: мигом вижу что, как и почему! — Блонди с Пучком посмеялась как-то... по-старинному.

М-м... Хм?

Вроде бы я где-то слышала, что они трусливые животные... Человек может издавать много шума: громко говорить, петь, греметь чем-нибудь, и тогда медведь, услышав, не пойдёт на него, но ведь все эти средства направлены на то, чтоб вообще не допустить такой неожиданной встречи, а когда она состоялась — какой в них смысл?

Если медведь учуял запах еды и пришёл к тебе в гости, шумом его уже не прогнать; я ещё подумала, только завидев зверей, не даст ли шум обратный результат: наоборот, спровоцирует медведей напасть?.. Хм-м, но они и правда убежали от громкого звука.

Может, разные особи реагируют по-разному?

Наверно, нельзя всех медведей сваливать в одну кучу?

Вот уж не думала, что мой разъярённый крик обладает такой сокрушительной силой... Неужели практика сурового аскетизма так быстро принесла свои плоды и я отточила мастерство до невообразимого уровня?

Получается, я и правда могла познать все тайны и секреты.

И если не приму это — меня выгонят из додзё.

— Ты, слышь-ка, закажи себе это и впредь осторожнее ступай, а то мало ли на дороге коварностей всяких... Сама я-от обратный путь держу — вместе нам никак не пойти, нет! Зато могу одну штуку тебе с плеча пожаловать — вот! — девушка сменила тему, как будто хотела поскорее замять историю со сбежавшими медведями, и сунула мне в руку какой-то маленький предмет; что это — *компэйто*?⁶

— Ам, — я кинула кругляшок в рот.

— Вот балда!

Девушка с размаху треснула меня по щеке.

Мало того что незнакомый человек бросил меня прогибом, так ещё и отвесил смачную пощёчину, — как я это допустила?.. Значит, всё же надо продолжать практику в горах; нужно тренироваться ещё больше, чтоб такого не повторилось? А может, эта девушка просто тоже занималась боевыми искусствами?

У неё вон какая классная фигура!

— Не суй себе в рот что ни попадя! Знать, оттого братец и чистит тебе зубы, коли ты как дитя малое!

Что? Разве мы говорили об этом?

А, ну я вроде обмолвилась чуть раньше, что у меня есть брат, — до остального можно и так додуматься; а что — это обычное дело для всех братьев и сестёр.

И в нашей семье так.

Да, обычное дело!

В общем, её пощёчина заставила меня выплюнуть изо рта кругляшок.

Это была *не компэйт*...

А колокольчик.

Не такой чтоб с ручкой и язычком, а полая сфера с шариком внутри.

— Это тебе колокольчик от медведей — к рюкзаку своему приделай. Он будет звонко динькать при ходьбе и по идее должен зверьё-то отшугивать.

Ого! Вот это да!

Додумались же люди!

Изобретатель явно был гением!

Все движения в карате мы отрабатываем до автоматизма, поэтому я непроизвольно, по мышечной памяти, привыкла ходить так, что не слышно ни моих шагов, ни даже шарканья одежды, однако теперь, видимо, нужно делать наоборот?

— И вот ещё штука. Ты хошь и нацепишь колокольчик, да вдруг медведь даже с ним нагрянет — кто может ручаться?... Нет уж, оставлять тебя с пустыми-то руками — дело ненадёжное, — размышляла вслух Блонди с Пучком, пока я ставила рюкзак на землю, чтоб, как мне велели, приделать к нему колокольчик, а затем, когда просьба была сделана, девушка протянула длинный, похожий на палку, предмет и пригрозила: — Токмо не вздумай даже глотать это, ясно?!

«Ты ведь не я», — заключила она.

Я согласилась с условием (хотя вывод в конце показался каким-то загадочным: как это понимать — «ты ведь не я?»), но штуку такой формы и размеров проглотить невозможно — хоть предупреждай, хоть нет.

Это что, лыжная палка?

Не сказать, чтоб это был предмет первой необходимости при подъёме на гору, но ими пользуются многие. По телевизору можно часто увидеть альпинистов, восходящих или спускающихся по склонам с двумя палками в руках, словно они лыжники.

«Она хочет одолжить её мне?» — подумала я, но вдруг поняла, что ошиблась...

Нет, это была не лыжная палка... а обнажённый японский меч.

Примечания

1. Досл. Цукихи говорит, что не сможет объяснить «как пишется иероглиф 爨 (*сан*; *готовить, кипеть*) в слове 炊爨 (*суйсан*; *стряпать [рис на открытом огне]*)». Он настолько сложный и редкий, что вместо него вторую часть слова обычно записывают хираганой. В наши дни, когда говорят о варении риса на открытом огне (во время отдыха на природе), используют выражение «*ханго-суйхан*», однако оно считается ненормативным. Немногие знают, что на самом деле по словарю правильно говорить «*ханго-суйсан*», как и сделала Цукихи. Дело в том, что со второй половины XX в., в связи с появлением и впоследствии широким распространением рисоварок (*суйханки*), выражение «*суйсан*» стали забывать как раз из-за сложности второго иероглифа и подменять на «*суйхан*», поскольку оба они, несмотря на разницу в нюансах, по сути, означают одно — «варение риса».

2. Описывая страх, сковавший её тело, Карэн употребляет выражение «*сэппа-цумару*», которое само по себе означает «оказаться в безвыходной ситуации», но, если перевести его дословно, получится «сэппа заклинивает». Сэппа — овальные металлические шайбы, крепящиеся по обе стороны гарды любого японского меча. Если при сборке сэппа была закреплена неплотно, она может сместиться. То есть страх, парализовавший Карэн, как заклинившая в ножнах сэппа, не даёт ей «достать меч»: сделать усилие, чтобы хоть как-то спастись из трудной ситуации.

3. Известно, что Ояма Масутацу, например, за время своего отшельничества на горе Минобу выдержал несколько схваток с дикими зверями. А после второго затворничества (только уже на горе Киёсуми) он начал устраивать демонстрационные бои с быками. За свою жизнь он провёл 52 таких боя: 48 быкам мастер карате срубил рога ребром ладони, повалив животных на землю, а ещё 3 убил, проломив голову.

4. Карэн говорит о *сатори*. Этого состояния достигают практики *дзен-буддизма*, в ходе которого человек на время прозревает, постигая свою истинную природу. В 18 главе «Сутры Золотистого света» рассказывается о том, как Будда, в одном из своих предыдущих воплощений, гуляя по лесу, наткнулся на тигрицу с тигрятами. Увидев, что животное изнемогает от голода и жажды, он собрался пожертвовать собой ради спасения её жизни. «Будущий Будда» осознал, что его тело «ждёт жалкий конец распада», что оно никуда не денется от своей нечистой природы и что «лучше использовать его для хорошего дела», и принял мужественное решение скормить себя тигрице, которая не могла ни прокормиться сама, ни накормить своих детёнышей. Медведица с медвежатами в случае Карэн — явная аналогия.

5. Речь идёт о *ма-ай*. В японских боевых искусствах данным термином обозначают дистанцию между оппонентами в бою, однако это более широкое понятие, чем кажется на первый взгляд. В концепт входит не только чувство дистанции, но и знание того, сколько времени уйдёт на её преодоление, чтобы ударом достать до противника, а также сила, скорость и угол этого удара — всё это необходимо учитывать, чтобы правильно использовать *ма-ай*.

6. Японские традиционные карамельные конфеты в форме шариков от 5 до 10 мм в диаметре, покрытые маленькими выпуклостями.

На оставшемся пути вдоль склонов горы Онийай, первой из трёх гор Ога, я больше не сталкивалась с какими-либо серьёзными трудностями, которые следовало бы отметить особо.

Ну, оно и понятно: мне пришлось пережить, без сомнения, самое ужасное, что только может застигнуть человека в горах — внезапную встречу с медведем, — поэтому следующая неприятность, чувствуется, должна быть как минимум на уровне, если не хуже, чтоб удостоиться упоминания.

После того как те медведи всем своим уютным семейным кругом поглядели на меня как на угощение, проблема добыть еду прекратила казаться такой уж насущной: воды хватает, рис есть — чего ещё желать?

Всё остальное — излишество.

Жива — и слава богу!

Но хоть со мной и не приключилось ничего, стоящего описания, а тем не менее хотелось бы сказать, что тропа, пролегающая через гору Онийай, была едва проходима, — это я поняла сполна, прошагав по ней много часов.

Думаю, окунуться в водопад — чисто символическая цель в конце моего пути; судя по всему, учитель, отправив меня в горы, хотела тем самым добиться, чтобы я закалила свой дух и разум, однако тело тоже не осталось без работы: лазание по горам хорошо тренирует мускулатуру.

«Буду подниматься в стойке на руках: сил во мне — немерено!» — говорила прошлая я, взволнованная предстоящим походом... Скормить бы тебя медведям за такие слова!

А ещё лучше — белкам!

«Поумерь свой пыл! — хотелось пожурить себя прошлую. — Радуйся, что пока можешь идти по асфальту!»

Понадобилось немало времени, прежде чем я поняла, какая же это благодать — *ходить по ровной поверхности*; примерно тогда же пришло осознание, до чего полезно иметь в руках палку, хотя ранее я думала: «С палками ходят только новички, помешанные на снаряжении для альпинизма», причём сама была даже хуже любого новичка.

И пускай это на самом деле не лыжная палка, а японский меч, но всё равно.

Обнажённый японский меч.

Его дала мне Блонди с Пучком.

— Коли медведь вдругорядь на пути твоём встанет, наберись-ка мужества зарубить да слопать его! Чай, сдюжишь: едва ли он тебя такую задерёт! Просто таскай меч с собой: он одним наличием своим уверенность придаст.

Девушка всё убеждала взять его, но мне казалось, что, в отличие от карты или того же колокольчика, такую дорогую вещь я брать не должна, хоть меня и просят принять её (да и, по-моему, «просто таскать меч с собой» — более чем опасно), так что пыталась всеми правдами и неправдами отказаться...

— Да ты ж и не по прямому его назначению обращаться можешь: глянь-ка — чем тебе не палка? — сказала она под конец и нахрапом всучила меч (какая нахрапистая!). — Поди, вбила в голову, мол, каратистке не с руки — противоречит-де взглядам — носить оружие, так ты мозгами-то пошевели-ка своими: где ж это видано, чтоб в горы — и без чего-нить режущего, хошь бы и какого ножа, — так дела не делаются!

Ну-у, вообще-то она права.

Кроме того, учитель не запрещала мне применять оружие, хоть я и каратистка.

Человек, говорят, стал разумным, когда взял в руки палку... М-м?

...А разве я упоминала в разговоре, что занимаюсь карате?

— Н-но как же вы спуститесь с горы, если отдадите меч мне, — неужели не страшно?

— Покойно спущусь. Я ж и без него вона что... э-э, не то... С моими-то силами я эдаких реплик понаделать тьму-тьмущую... То бишь у меня там в запасе ещё есть, — вот что я хотела сказать, да.

Понятно.

Я ничего не поняла, но переспрашивать не буду.

Кажется, будто горы — родная стихия той девушки... Она вон даже запасное снаряжение взяла, — мы с ней явно подготовились по-разному.

В общем, я решила воспользоваться её добротой.

Но не как ушлый и расчётливый профи, а как мягкий и простодушный дилетант.

Любой человек, занимающийся кэндо¹, наверняка разозлился бы на меня, узнав, что я использовала японский меч, да ещё и без ножен (что лишь усугубляет вину), как опору, но выбора не было — лишь бы выжить! — тут и меч променяешь на палку.

Признаться, я рада, что воспользовалась добротой той девушки. Как же хорошо иметь прочную палку, когда лазаешь по крутым склонам: на неё можно перенести часть веса, чтоб устойчивее ступить!

С мечом почему-то сразу стало так легко!

Прям не хотелось с ним расставаться!

Я подумала, нужно найти хорошее оправдание на случай, если не посчастливится по пути столкнуться с другими альпинистами: всё-таки со стороны заметно, что «палка» выглядит как обнажённый японский меч (более того, это же был реальный обнажённый японский меч), но, слава богу, я перешла гору Онийай, первую из трёх, даже ни с кем не поздоровавшись, кроме Блонди с Пучком, то есть больше никого так и не встретив.

Первый этап пройден!

Учитывая, что туристки из заграницы приехали полазать по этой горе, она должна быть более знаменитой и посещаемой, чем мне казалось ранее, однако эти двое (эм-м, они вроде бы двоюродные сёстры?) скорее профессиональные альпинисты, даже «горные маньяки», чем обычные туристки...

Такой вывод напрашивался сам собой: горная тропа на протяжении всего пути то исчезала, то снова появлялась, некоторые места были довольно трудными, — явно не вариант для простых любителей активного отдыха... Ладно, как бы то ни было, мой первый день подошёл к концу!

Фух!

Было несколько непредвиденных моментов, вернее, почти ничто не пошло так, как я себе это представляла, но в итоге всё более-менее обзавелось... Ночью надо хорошенько отдохнуть, набраться сил и энергии, чтоб завтра утром отправиться покорять вторую гору — пик Сенсин!

Я полезла в рюкзак и достала спальник.

То есть спальный мешок.

Пока собиралась в поход, думала: «Может, лучше взять с собой палатку?» — но потом решила, что она только увеличит нагрузку, да и жирно вообще целую палатку на одного человека, так что остановила свой выбор на спальнике.

У меня были некоторые опасения насчёт того, получится ли как следует выспаться на склоне горы, но я весь день, с раннего утра до позднего вечера, провела на ногах и до того устала, что заснула таким крепким сном, каким, казалось, и не спала никогда. Любоваться красотой природы или смотреть на усыпанное звёздами небо просто не осталось сил; я свернулась клубочком, лёжа на жёсткой голой земле, и засопела.

Никто и ничто не тревожило мой отдых.

Мне даже ничего не снилось.

Примечания

1. Современное искусство фехтования, ведущее свою историю от традиционных самурайских техник владения мечом.

И всё же надо было бы заранее подготовиться на случай, если ночью, пока буду спать, ко мне нагрянет медведь... Нет, на самом деле он ко мне не нагрянул, однако я бы не удивилась обратному.

К тому же в лесу водятся далеко не только медведи.

Вокруг густые заросли: в такой дремучей чаще наверняка спрячутся змеи, хотя пока ни одна не попалась. Если тут обитают ядовитые, то придётся туго. Я в такой глуши, где бессмысленно надеяться, что сотовый поймает сигнал — позвонить в службу спасения не выйдет.

Вчерашняя усталость притупила внимание... Так, нужно собраться!

Неподалёку от места ночёвки бежала горная речка; я наскоро умылась свежей водой и ополоснулась в холодном бурном потоке (познав всю прелесть мытья в горячей воде); ко мне вернулась бодрость, уверенность, и я смело двинулась навстречу новому дню!

Рис, по-моему, получился лучше вчерашнего.

Наверно, ко всему привыкаешь со временем.

Только не ясно, к чему я привыкла: варить или не замечать вкус?

Успешная варка риса натолкнула меня на мысль, что теперь и по склонам лезть будет легче, чем вчера, — да щас, держи карман шире!¹

Другими словами, я забыла кое о чём.

Это совершенно вылетело из памяти.

Количество гор, входящих в состав хребта, отражено в самом его названии — три горы Ога, — и ландшафт второй из них, пика Сенсин, кардинально отличался от того, что можно было видеть на горе Оний.

Поначалу я думала, вторая гора получила такое обозначение якобы потому, что на её склонах растёт много хвойных деревьев (всё-таки «Сенсин» — Тысяча Игл), но потом, быстренько глянув в интернете (разузнать перед походом — и забыть! Ну как же так?), поняла, что «иглы» из названия не имеют никакого отношения к хвое, иглообразным листьям.

А как было бы хорошо, если б моя изначальная догадка оказалась верна!

«Иглы» в названии символизировали игольчатые скалы... Иначе говоря, пик Сенсин — скалистая гора.

Какой там хвойный лес — тут даже растительности почти нет!

Поэтому на второй день похода меня ждало не просто восхождение, а скалолазание... Я решила, что японский меч — подарок Блонди с Пучком, так хорошо заменивший лыжную

палку, — к сожалению, придётся оставить внизу, на подступах к скале: чтобы вскарабкаться, нужно перемещаться по правилу «трёх точек опоры», а для этого обе руки должны быть свободными².

Ещё я думала привязать меч к рюкзаку и лезть наверх вместе с ним, но вдруг я соскользну, а меч-то не в ножнах, — так можно серьёзно порезаться или чего хуже... Надо будет не забыть забрать его на обратном пути.

А то там, как известно, медведи...

Итак, я вырыла под деревом неглубокую ямку и закопала в ней меч, чтоб его не украли, после чего отправилась покорять пик Сенсин... В плане физической нагрузки этот путь был однозначно сложнее вчерашнего.

Как будто с каждой новой горой повышался и уровень сложности.

Во время скалолазания приходится задействовать всё своё тело и разное снаряжение: верёвка там и прочие штуки, но я, честно говоря, ничего с собой не взяла... Очередной наглядный пример плохой подготовки.

Тем не менее, в отличие от простого альпинизма, в чём у меня, по сути, нет никакого опыта, я хотя бы занималась боулдерингом³ и лазала на скалодроме — это входило в мои тренировки, — так что практика подъёма на скалы какая-никакая, а имелась, и я была отчасти морально готова к препятствиям.

Только отчасти, но это больше, чем ничего.

Если перечислить то, что я знаю и в чём хорошо разбираюсь, — это, пожалуй, будет оружие и силовые приёмы.

Когда Цубаса-сан говорит: «Я знаю не всё, а только то, что знаю», это звучит скромно, неприязненно и в то же время как бесстыжее хвастовство... Мы с ней давно уже не виделись, но она, думаю, не растеряла своей хватки и даже на этот дзенский вопрос, *про повернись лицом к себе*, без проблем нашла бы быстрый ответ⁴.

Мне нужно срочно...

Познать себя.

Познать Арараги Карэн... Угу.

Но я не знаю как?

Ответ постоянно ускользает!

Выживание в одиночку в трудных природных условиях, где можно полагаться только на свои силы, даёт человеку возможность проанализировать самого себя... Если учитель посоветовала совершить *такигё* ради этого, то — что ж! — я уже смогла кое-что понять: я не привыкла к дикой природе, не росла в лесу и не хочу жить в горах!

Сомневаюсь, что образ девушки, которая цепко карабкается по скале, отражает меня настоящую. Её скорее можно найти в девушке, которая учится в старшей школе, либо в той, кто после уроков приходит в додзё помахать кулаками.

Вот это про меня!

По-моему, я куда больше похожа на настоящую себя, когда бездельничаю с братцем или дурачусь с Цукихи-тян, чем когда сражаюсь с медведями.

И если уж *искать своё «я»*...

Кажется, нужно делать это у себя дома, а не купаясь в водопаде где-то в горах у чёрта на рогах... Фух, как же всё-таки тяжело карабкаться! Вот в голову и лезет всякая чушь!

Когда по телу разливается слабость, она отравляет и мысли. Пора бы остановиться и перевести дух.

Тугодума, говорят, не отличить от лодыря.

Так что хватит думать долгие думы и жаловаться по мелочам; выбрось это из головы и прими отдых как данность!

Всё прояснится, когда я встану под водопад.

Представь, что подъём — это испытание, которое дала учитель, и оно поможет открыть все тайны карате... Может, я и не знаю себя, зато знаю учителя и понимаю, что она за человек.

Она не врёт, всегда отдаёт отчёт в своих словах.

И ни за что не попросит сделать то, с чем ты не сможешь справиться. Если уж учитель посоветовала совершить *ямагомори*, значит, она уверена, что я преодолею эти суровые склоны.

Правда, также она говорила возвращаться, если станет слишком трудно... Но я всё равно продолжала карабкаться по голым скалам пика Сенсин, устремив мысль к вершине⁵.

Несмотря на то, что опыта в скалолазании у меня больше, чем в альпинизме — а им я занималась весь вчерашний отрезок пути, — я не могла позволить себе спешить: одно неосторожное движение грозило стать фатальным.

Одно дело упасть на мягкую почву, и совсем другое — на острые игольчатые скалы: от падения на них меня ждали куда более серьёзные травмы... Так, соберись, соберись! Не время думать о всяких глупостях!

Нужно всеми силами постараться остаться в живых в этих горах!

Я лезла к вершине, выбрав самый надёжный, насколько это возможно, маршрут; он хоть и не был прямой, но ради лишней безопасности пару раз можно дать крюка.

Если я пострадаю, проблемы ждут не меня одну: учителю тоже достанется, ведь это она дала мне указание лезть в горы.

Так что я просто обязана остаться в живых! Ради всех, кто поверил в меня!

Однако сколько ни старайся осторожничать, а есть такие вещи, над которыми человек не властен... Всему есть предел, в том числе и деталям, которые я могу почерпнуть из воспоминаний о своих тренировках.

Это прекрасно показывает...

Что я знаю не всё, а только то, что знаю.

Боулдеринг в закрытом помещении нельзя сравнивать со скалолазанием на открытом воздухе, — это естественно, однако я ставила их на одну доску.

Кажется, более легкомысленной быть уже невозможно.

Эм-м, в общем, я имею в виду, что на открытом воздухе, само собой разумеется, нет ни кондиционера, ни климатизёра⁶, ни крыши, защищающей от солнечного света.

Никакого тенька.

Чем выше поднималось солнце, тем суровее становились его ослепительные лучи... Нет, я не волновалась, что могу обгореть.

Мне хватило женственности, чтоб понять: когда собираешься провести много времени на солнце, нужно намазать кожу средством от загара.

Всё моё тело было липким от солнцезащитного крема, — его одолжила Цукихи-тян.

Но проблема была не в этом... а в голых скалах.

В самих камнях.

— Ай, горячо!

Похоже, что под палящим солнцем они нагревались всё сильнее и сильнее, и когда я уцепилась за очередную трещину в скале, то мои руки обожгло так сильно, как если бы я положила их на раскалённую сковороду.

На этих камнях можно было жарить яичницу!

Даже бывшая Огненная Сестра не выдержала их жара.

Я не только рефлекторно отдернула руки, которыми зацепилась за трещину, но и всем телом отшатнулась назад... Это рефлекс — ничего не поделаешь.

Пытаюсь удержать равновесие, я только потеряла его. Вместо трёх точек опоры у меня уже было ноль... Стопроцентный ноль: я ничем не держалась за скалу.

Чёрт, сейчас упаду.

Да ещё и на острые игольчатые скалы.

Казалось, я вот-вот ринусь камнем вниз на Игольную гору⁷, — так сильно напоминал её пик Сенсин.

Одними переломами тут не отделаться: скалы пронзят меня насквозь.

Сейчас было явно не самое лучшее время для игры воображения, но я во всех красках представила свою смерть и оцепенела от страха. Я не страдала трипанофобией⁸, но, когда подумала, что *меня пронзят иглы*, тело почему-то словно сковало цепями.

И тело, и мысли...

Парализовало.

Ой-ей...

Перед глазами завертелся калейдоскоп сменяющих друг друга картинок⁹.

Что это за ощущение?

Приближение смерти?

Нет-нет, пока рано для духовного просветления! Мало того что я так и не окунулась в водопад, но ещё и полпути до него не прошла!.. К тому же если меня проткнут скалы — это ещё не значит, что я погибну!

Я могу получить куда более серьёзные травмы, чем переломы, но вместе с тем такие, от которых не умрёшь.

В худшем случае острые пики пронзят моё туловище; я не смогу ни пошевелиться, ни быстро скончаться, а буду лишь страдать в агонии, пока тело прожаривается изнутри от высокой температуры прошедших сквозь меня камней, нагретых лучами солнца, после чего только и умру... А-а, у меня слишком богатое воображение!

— Будет вывих! — послышался чей-то крик, и следом правое плечо отозвалось острой болью. Рука вытянулась вверх, тело всей тяжестью повисло на ней.

Нет, вес тела, похоже, приходился не на плечо, а на моё запястье... Точнее, за запястье это как раз ухватилась чья-то крохотная детская ручка.

Чья-то детская ручка.

Ещё мгновение, и я бы ринулась камнем вниз, но маленькая светловолосая девочка с каре — она, видимо, тоже карабкалась по скале — выскочила из трещины, словно из моей тени, успела схватить за руку и уберечь меня от падения.

Примечания

1. Показывая, что не всё коту масленица, Карэн говорит «*со ва тонъя га оросанай*», что букв. означает «за столько оптовик не отпустит». Выражение берёт начало в позднем периоде Эдо, когда цену за товар, отпускаемый оптом, устанавливал сам оптовый торговец. В связи с этим, сколько бы лавочник ни просил за товар, оптовик никогда не отпустит его по низкой цене, что, конечно, не устраивало лавочника. Смысл выражения заключается в том, что жизнь редко идёт так, как нам хочется.
2. При передвижении по опасному склону очень важно постоянно иметь три точки опоры: нога и две руки, рука и две ноги. Это связано с тем, что если одна из точек подводит скалолаза, то у него есть шанс удержаться за остальные две. А будь точек изначально две, очень маловероятно, что человек, если вдруг что, сможет удержаться на одной и не свалиться.
3. Лазание по валунам. В этом виде скалолазания высота отвесных стен обычно небольшая — 4-6 метров. Спортсмены защищены страховкой, а под ними на земле расстелены специальные маты.
4. Карэн имеет в виду *мондо* (букв. «вопрос-ответ») — это диалог-поединок между учителем и учеником в дзенской практике. Задавая парадоксальные вопросы, учитель выбивает ученика из привычного строя мышления и разрушает все прежние представления о сути учения. Диалог проводится в быстром темпе и состоит не более чем из 5 вопросов и ответов.
5. В «Сутре о явлении Земли Блаженства», одной из трёх основополагающих сутр для буддизма Чистой Земли, где почитают Будду Амитабху, говорится: «Ежели благочестивые мужи и жёны сутру эту услышат да запомнят, ежели сами начнут денно и ночью повторять имя Амитабхи, *устремив мысль к землям его райским*, да снизойдёт же к ним в смертный час Амитабха вместе с бодхисаттвами и да укажет им путь к Сукхавати (Чистым Землям)». В подъёме на пик Сенсин, как и во встрече с медведями, тоже прослеживается аналогия: Карэн монотонно карабкается по склону, повторяя одни и те же движения, «устремив мысль к вершине», и надеется тем самым добраться до «райских земель», то есть до того места, где уже не надо карабкаться и можно встать спокойно.
6. Испарительный кондиционер, в котором охлаждение воздуха происходит за счет испарения воды.
7. В буддийском аду есть гора, полностью покрытая иглами. Черти постоянно гоняют грешников на её вершину.
8. Боязнь уколов, инъекций и шприцов.
9. Описывая момент, когда перед смертью вся жизнь проносится перед глазами, Карэн проводит сравнение с *цзоумаденом*, китайским праздничным большим фонарём со

скачущими внутри тенями бумажных лошадей; в нём стоит свеча и маленькая карусель, которая вращается от движения разогретого воздуха.

— Я кузина кузины, — представилась Блонди с Каре, как будто не смогла придумать ложь поубедительнее (но что это я — нельзя так плохо отзываться о тех, кто спас тебе жизнь).

Видимо, вся их большая семья приехала сюда ползать по горам... «Они так разбрелись — не пропадут ли?» — заволновалась я, но уж кому-кому, а точно не мне волноваться за чужие жизни: я сама постоянно попадаю в беду.

Однако кто бы мог подумать, что меня спасёт маленькая девочка лет десяти?.. Я была так уверена, что подъём по этим скалам невероятно сложен, тогда как на самом деле даже десятилетка может преодолеть их, — такой удар по самолюбию! Хуже только, что я ещё чуть было не свалилась...

Стыд и позор мне на всю жизнь!

Самоуверенная полузнайка!

Но я рада, что осталась жива, хоть и опозорилась...

Блонди с Каре была одета в кимоно — похожие дома носит Цукихи-тян — и сильно напоминала в нём какого-нибудь ёкая, обитающего в горах¹. Но как ни крути, а в таком наряде в горы не лазают; на ней он тем не менее смотрелся так по-странным естественно, что я даже была готова, к своему удивлению, поверить во что угодно.

— Хм-м, не ладится у меня летами-то управлять... Кажись-от, негоже по чужим теням шастать, будь эта тень хоть сто раз родни по крови хозяина моего, — Блонди с Каре поговорила сама с собой (я так и не поняла, что она там проворчала под нос: наверно, это какие-то очередные их заморские культурные фишки), а затем перевела взгляд на меня: — Ну давай, гляну я твоё плечо! Так уж и быть, окажу первую помощь... Да не трясись ты: травма там не шибко-то сурьёзная. Поскачешь по горам как миленькая! — она стала стягивать с меня толстовку.

Внутри не осталось сил сопротивляться её напору, да ещё этому высокомерному тону, старинной манере разговаривать, и я полностью отдалась воле маленькой девочки, которая была ростом с треть меня.

Что ни говори, а я чуть не умерла.

Смерть дышала мне в затылок.

Я ещё никогда не была так близка к ней.

Пойти в горы, чтобы встретиться с собой, и вместо этого — ну надо же! — оказаться перед лицом смерти... А вдруг учитель как раз и пыталась преподать этот урок? Хотя не думаю, что она могла приказать своей ученице, мол, *загляни смерти в лицо!*.. Но, как бы там на самом деле ни было, мне, судя по всему, придётся вернуться в город, так и не выполнив волю учителя.

Блонди с Каре пыталась утешить меня, но боль была до того острой, что сомнений не оставалось: плечо вывихнуто сильно. И, похоже, до кучи я заработала растяжение связок локтевого сустава... Мне срочно нужно в больницу, где окажут всю необходимую медицинскую помощь.

Я уже получала такие же травмы в прошлом и знаю что к чему. Жаль, конечно, но моё путешествие по склонам горного хребта, по-видимому, закончится на полпути.

Полпути — как раз самое то для полужайки.

В общем, ютясь по кромке скалы, мы обе неуверенной и мелкой поступью дошли до того места, где уступ становился достаточно просторным, чтобы на нём могли спокойно усесться два человека, — там Блонди с Каре и начала оказывать мне первую помощь.

— Крепись: сустав вправлять буду. И раз, и два!..

— Гья-а!!!

«Наплевала на все писанные правила и дёрнула со всей дури!»² — возмутилась я про себя, но на этом странности не закончились...

Маленькая девочка внезапно облизала больное место.

Какого?..

Ей что взбрело в голову? «Полижешь — и пройдёт»?

Ладно бы ещё царапину³, но вывихнутое плечо?

Ну нет, это уже не спихнуть ни на какие культурные различия! Я попыталась увильнуть от Блонди с Каре, как вдруг...

— А-а? — почувствовала, что боль стремительно пошла на убыль. — Что? Как это?

Я поворачивала правым плечом — вроде нормально двигается.

Никаких неудобств.

Даже больше: я ощущала бодрящую свежесть, как будто вся усталость, накопившаяся в мышцах после лазания по скалам, разом отступила.

Откуда этот прилив сил?

— Ка-ка! Чай, сработала утешалка-то моя: у лисы боли, у волка боли, а у тебя боль — в лес улетела!

Это прозвучало как-то несерьёзно, будто шутка или издевательство, но боль и вправду куда-то улетела — не поспоришь... Да уж, я и не представляла, что слюна маленьких девочек обладает таким лечебным эффектом...

Значит, недаром мой братец так увлечён полями.

В этом кроется причина его любви?

По-моему, на такую тему сам бог велел написать целый доклад и представить его на научной конференции... Да нет, плечо у меня, наверно, изначально не было вывихнуто, а шок, который я испытала после того, как чуть не погибла, всего лишь усилил болевые ощущения.

Разум затуманился от пережитого потрясения — смерть была так близка! — но стоило маленькой девочке облизать плечо, и ко мне сразу же вернулся здоровый ум... А братец бы, наоборот, окончательно потерял голову?

Ну, не важно; главное — поход не сорвался: я смогу продолжить восхождение!

Отлично!

Хотя что-то уже не уверена, стоит ли этому радоваться...

Я надела толстовку и поблагодарила Блонди с Каре:

— Thank you!⁴

В эти слова я вкладывала благодарность не только за оказанную первую помощь, но и за то, что маленькая девочка спасла меня от смерти: ещё чуть-чуть, и я бы рассталась с жизнью.

— А, брось челом бить. Подыми голову⁵.

Вообще-то, я и не падала ниц — просто сказала спасибо... Ну и ладно.

Я слышала, что отмечать в разговоре с иностранными туристами, мол, Вы так хорошо говорите по-японски, — некультурно, однако точно так же я не могла представить, чтоб фраза «Ваш японский какой-то странный» соответствовала нормам учтивости, поэтому промолчала.

— Засим я удаляюсь. Ты уж, почитай, полдороги-то отмахала до места своего — куда ты там намылилась? — до водопада Ога, и где-то так же тебе и осталось. Дерзай!

— А? Разве я упоминала, что иду к водопаду Ога?

— Поминала, — маленькая девочка заявила так категорично, что оставалось только смириться.

Вот как? Значит, я говорила ей...

— Фи, — сделала Блонди с Каре. — *Ямагомори*, встреча с самой собой... Н-да, это токмо людишки, с их чванством и замашками, такую причуду нажить могли. Экая надобность — нечего и говорить! А тебе, гляжу-от, особенно надо, — вечно молодняк этот без царя в голове!

Какие тяжёлые обвинения!

И это наговорила десятилетняя девочка!

...А может, Блонди с Каре со всей своей семьёй тоже приехала окунуться в водопад? Может, она и её кузины условились отправиться на поиски самих себя?

— М-м! А, ну да, ну да. Вся родня моя давно уж что-то уразуметь не может: кто ж они такие-то? — вот и примчали сюда... Так что не удивляйся, коли других моих кузин на пути своём встретишь.

— Ого... У вас такая большая семья.

— На-от, рукавицы возьми. Не так горячо будет за камни хвататься, — проигнорировала моё замечание Блонди с Каре, достала откуда-то пару перчаток для скалолазания и всучила их мне.

Они, с виду такие огромные, явно были велики для крохотных ручек этой маленькой девочки, — видимо, принадлежали кому-то из её родственников.

В любом случае я не в том положении, чтобы отказываться: недавно я чуть не упала.

Так что взяла их.

— Извини, мне нечего дать взамен.

— И не надо! Меня и так ждёт уйма всяческих пончиков: с каждым разом их токмо всё больше прибывает, — благодаря тебе одной! Нежные, рассыпчатые пончики! Эдак я вскорости все виды и вкусы соберу — уважь: попади ещё разок-другой в беду, а?

Э-э, какие-то сложные шутки у этих иностранцев.

Я вообще ничего не поняла.

Так что просто тупо стояла с полуулыбкой.

— Ты это, здоровье-то своё побереги... Коли встретишься с собой — не кидайся зараз с кулаками, — оставив меня размышлять над своими словами (а в них, кажется, был какой-то намёк), маленькая девочка вскочила на ноги и пошла спускаться со скалы тем же путём, откуда мы с ней пришли. Я подумала, что не поблагодарила её как следует, и в тот же миг сорвалась с места, чтобы догнать и остановить Блонди с Каре...

— ?

Но её и след простыл: на краю обрыва никого не было... И куда она делась — не упала же в самом деле?

Примечания

1. В Японии издавна ходят легенды о Яма-химэ (Горной принцессе). Описания и даже имена её разнятся от места к месту, но существуют схожие детали: это злой дух, живущий в глубине гор и лесов, который встречается на пути заблудших путников. Часто предстаёт в образе прекрасной девушки, одетой в традиционную японскую одежду, предлагает помощь — словом, делает всё, чтобы усыпить бдительность жертвы, а потом убивает её, высасывая кровь.
2. Вправлять вывихнутое плечо нужно медленно, избегая быстрых и судорожных движений, иначе есть риск нанести дополнительные травмы, как то: разрывы мышц, повреждение нервов, может даже открыться опасное кровотечение.
3. Смачивание раны слюной сравнимо с обработкой антисептиком. Содержащиеся в слюне вещества борются с инфекциями. Попадая в кровь, эти вещества защищают организм человека от заражения бактериями вроде кишечной палочки.
4. Спасибо! (*англ.*)
5. Выражение «*омотэ о агэи*» зачастую можно услышать как раз в продолжение фразы «*курусюнай*»: сюзерен предлагает вассалу расслабиться, вести себя менее формально и не склонять голову.

Я поглядела вниз со скалы, но нигде не увидела Блонди с Каре; рассудив, что она, наверно, просто профессиональный скалолаз и быстро добралась до какого-то места, которое отсюда не было видно, я пожала плечами и решила двигаться дальше; весь оставшийся путь через пик Сенсин, благодаря перчаткам, подаренным той маленькой девочкой, прошёл без особых проблем.

Всё шло как по маслу.

Было, конечно, несколько опасных моментов, грозивших перерасти в нечто серьёзное, но я громадными усилиями справилась с ними сама и так, следом за горой Онией, преодолела пик Сенсин, вторую из трёх гор Ога.

Второй этап пройден!

Он дался мне нелегко, и я была так довольна собой и этим достижением, что, казалось, можно бы уже и возвращаться домой: попав в опасную для жизни ситуацию, я, по-моему, познала всё, что нужно.

Разве осталось что-то ещё, что я должна узнать?

Может, я уже избавилась от всех комплексов?

Между тем было бы очень обидно развернуться и пойти назад, осилив лишь две трети пути... Раз уж я избежала вывиха и отделалась малой кровью, нужно бы довести дело до конца.

Камни меня не добились, так что я добьюсь своей цели!

...Не знаю, получилось ли у меня сказать по-умному, ну да ладно! Решимость окрепла во мне с новой силой, и весь вечер второго дня я провела в размышлениях.

Мне открылось во всей полноте, что прежде всего я просто хотела закончить начатое и уже потом заниматься «познанием тайн и секретов» и «поворачиваться к себе лицом».

И всё-таки как же хорошо...

Как же хорошо, что на пути мне посчастливилось встретить тех девушек, которые всей своей большой семьёй приехали из заграницы, чтобы полазать по этим горам: даже не представляю, что случилось бы со мной, если б не они.

Потому что других альпинистов тут вроде не было... Не знаю, на каком этапе я бы без помощи трёх девушек точно допустила ошибку (возможно, я смутилась бы, что не могу прочитать топографическую карту, развернулась ещё у подножия горы Онией и пришла домой целая и невредимая), но достичь своей цели — совершить *такигё* — мне бы не удалось, — это точно.

Выходит, учитель переоценила мои возможности, посчитав, будто я смогу добраться до водопада Ога?

Какой стыд!

Настоящее унижение!

А может, это и не важно — смогу я или нет?

Учитель ведь говорила, что победы и поражения не имеют значения.

Я так и не поняла, что она имела в виду.

Иногда кажется, будто я схватила самую суть, но это только кажется.

Игра воображения.

Братец, наверно, понял бы, о чём речь.

Они с учителем так непохожи друг на друга — у них разные взгляды и подход к жизни, — но в одном эти люди точно сходятся: они не придают большого значения победам или поражениям.

А братец так и вообще приравнивает поражение к победе... Хм-м...

В принципе, учитель не уточняла, что я должна добраться до водопада Ога без посторонней помощи; вряд ли моё затворничество в горах вдруг обесценится и потеряет всякий смысл только оттого, что группа иностранных туристов помогла мне по пути, но одно я для себя решила точно: если дальше мне встретится ещё какая-нибудь кузина кузины или даже кузина кузины кузины, я хочу справиться со всем сама, а не втягивать её в свои проблемы.

Гора Кати-кати — третья и последняя из трёх гор Ога.

Её название невольно заставляет вспомнить ту знаменитую гору из сказки про зайца и тануки...¹ Вряд ли это официальное название горы, скорее, так её называют в народе.

Говорят, в незапамятные времена это был вулкан. Правда, сейчас извержения бояться не стоит, но всё равно внутри меня вспыхнула искра, когда я узнала о его прошлом: всё-таки я бывшая Огненная Сестра.

И искра эта разгорелась пламенем.

Но, несмотря на бушевавшую во мне радость, а также на клятву, которую я дала вчера вечером, — пообещала себе, что дальше со всеми трудностями справлюсь сама, — на третий день, поутру, я столкнулась с неожиданной проблемой.

Нет, дело не в том, что я не знала, какой ландшафт меня ожидает на горе Кати-кати, — новая проблема была куда серьёзнее.

Собравшись отварить себе дневную порцию риса, я открыла рюкзак и обнаружила, что он исчез.

От риса осталась только пустая пачка.

«Куда?... Неужели ночью, пока я спала, пришёл медведь и всё съел?» — первым делом подумала я (прошло два дня, а пережитая травма всё продолжала напоминать о себе), но если б медведь действительно приходил, то он скорее принял бы за меня, а не за рис: я так крепко спала, что не услышала бы его приближения.

Помимо медведя здесь, конечно, водились и другие дикие животные — подозреваемых было много, — но я сомневалась, что кто-либо из них мог так аккуратно подчистить рис и оставить мне пустую пачку. Всё-таки если б в рюкзак залез какой-нибудь зверь, то он разорвал бы её своими клыками, чтобы добраться до риса.

«В таком случае куда же он делся? Я где-то рассыпала его? Может, неплотно закрыла пачку, по дороге сюда рис как-то высыпался из рюкзака и я оставила за собой след, как Гензель и Гретель?...»² — я пыталась найти хоть какое-то объяснение, но, посмотрев в ту сторону, откуда пришла на поляну, зёрнышек на земле не обнаружила.

Значит, скорее всего, он высыпался из рюкзака вчера, как раз во время карабканья по пику Сенсин — в тот момент, когда я чуть было не сорвалась со скалы, — и упал вниз, пожертвовав собой, — это единственное, что приходило в голову.

Можно сказать, мне ещё повезло отделаться лишь потерей риса.

Слава богу, что вообще осталась жива, — это само по себе уже невероятная удача, но когда я представила, что помимо риса могла потерять вдобавок все свои вещи — а их и так не хватало, — то по спине побежали мурашки.

Да уж, остаться без еды на этом отрезке пути — довольно ощутимый удар... Если я и правда где-то рассыпала рис, то дикие звери, наверно, уже его съели.

Дело серьёзное.

Даже очень.

Я уже привыкла к другому режиму питания: поутру варить порцию риса на весь день, лепить его в онигири³ и есть потихоньку — как быстро кончилась сладкая пора! — а теперь и не знаю, что делать: я в полном замешательстве.

По-видимому, остаётся только двигаться дальше: нельзя же развернуться только потому, что еды больше нет!

Ведь на обратном пути меня ждёт вторая гора, пик Сенсин, а переход через неё займёт целый день... К тому же это скалистая гора.

Где я среди этих камней раздобуду себе еду, пока буду карабкаться? Так что вариант один: идти вперёд и надеяться на удачу, что во время подъёма на гору Кати-кати я смогу *добыть пищу на природе*.

К счастью, гора Кати-кати, насколько я могла судить (а я почти ничего не знала о ней до похода — даже учитель не вдавалась в детали, — так что гора оставалась для меня загадкой, пока я всё-таки не увидела её), в плане ландшафта напоминала первую гору.

Нож (японский меч), этот дорогой подарок от Блонди с Пучком, я, конечно же, оставила далеко позади, но даже если б захватила и носилась с ним за местным зверьём, то всё равно никого бы не поймала, а только вымоталась.

Но что насчёт растений?

Растения не бегают.

И они не хотят меня съесть (что важнее).

Странно, что, когда я была на горе Ониай, мне даже и в голову не пришло пособирать какие-нибудь дикие съедобные растения для закуски к рису.

...Хотя не так уж и странно, на самом деле.

Потому что я ненавижу овощи.

Я ем только мясо; я плотоядная женщина в истинном смысле этого слова!⁴

Забудем на время о вечном споре, что растения такие же живые существа, как и мы, и есть их — всё равно что убивать: я сейчас не в том положении, чтобы разделять эти взгляды.

Я больше никогда не буду вести себя как какая-то избалованная девчонка и говорить, что ненавижу овощи, — простите меня, пожалуйста!

Если в скором времени не раздобуду еды, всё кончится очень плохо. Кажется, чтобы прокормиться — другими словами, выжить, — придётся взбираться на третью гору, на гору Кати-кати.

Итак, начинается третий день похода.

Примечания

1. Карэн вспоминает японскую народную сказку «Гора Кати-кати» о том, как заяц победил тануки и помог дедушке поквитаться. По ходу сюжета заяц хитростью выманивает тануки из норы, предлагая отправиться в горы, чтобы собрать хвороста на продажу. Тануки хочет унести как можно больше, поэтому на третьей горе у него за спиной уже огромная вязанка. Заяц уличает момент и высекает из кремня искру, чтобы поджечь хворост на спине тануки. Кремень цокочет со звуком «кати-кати», отчего тануки спрашивает: «Что за звук я слышу?» — «Мы же на горе Кати-кати — это птички трещат», — отвечает ему заяц. Вскоре вязанка тануки загорается полностью, и тот получает сильнейший ожог спины.

2. Гензель и Гретель — маленькие брат и сестра, герои одноимённой сказки братьев Гримм. По сюжету отец заводит детей в дремучий лес, чтобы избавиться от них, а те бросают по пути хлебные крошки, по которым хотят потом найти дорогу назад, но, к их несчастью, все крошки склёвывают птицы.

3. Традиционное японское блюдо с древней историей — пресный рис, слепленный в виде шара или треугольника. Впервые онигири появились в эпоху Хэйан (794-1185) среди солдат, — это была походная еда, которую можно жевать на ходу.

4. Выражение «*никусёку кэй дзёси*» (где «*никусёку*» действительно «плотоядный»), которым описывает себя Карэн, в Японии означает женщину-«альфаха»: это сексуально активные и уверенные в своей привлекательности женщины, которые решительно действуют первыми, а не дожидаются инициативы от мужчин. Однако Карэн делает оговорку, чтобы мы понимали это не в переносном смысле, а в буквальном, то есть что она просто употребляет в пищу мясо, без всякого сексуального подтекста.

Мало того что перед самым подъёмом на гору Кати-кати со мной неожиданно случилась неприятность, так ещё и сам подъём оказался невероятно трудным.

Конечно, это восхождение было не сравнить со скалолазанием, но уровень сложности третьей горы оказался несравнимо выше, чем у первой, хотя обе они имели схожую картину природы. И если по тропе через гору Ониай я ещё могла более-менее легко пройти с помощью палки (японского меча), то на горе Кати-кати вообще не было никакой тропы.

Ничего, что хотя бы отдалённо её напоминало.

Этой горы ещё и на карте нет.

Я просто взбиралась по склону точно так же, как и на горе Ониай, но в этот раз, казалось, брела сама не зная куда, словно осталась выжившей после какой-то авиакатастрофы, пытаюсь наобум найти дорогу из лесу к людям... Единственными моими ориентирами были гребень хребта да бежавшая вниз горная река.

Почему-то я представила, что эта река течёт от водопада, который находится где-то на вершине горы, причём именно от водопада Ога.

И если всё время идти вверх по реке, то я, на худой конец, достигну своей цели... Не уверена, что выбрала правильную стратегию подъёма, но на большее моих мозгов не хватило.

Жаль, но мой скудный умишко больше ничего не выдал (просто в Огненных Сёстрах всей интеллектуальной работой занималась Цукихи-тян), и в то же время я была довольна тем, что стала думать своей головой, действовать по своему же плану, — это придало мотивации.

Я почувствовала вкус к жизни.

Есть — нечего, ситуация — критическая, однако я не падала духом, возможно, именно благодаря этой мотивации, которая толкала идти дальше. На ум даже начали приходить всякие радужные мысли вроде «я жива — и мне уже хорошо!».

И, пожалуй, точно так же тяжело от такой жизни.

По крайней мере, я не ошибалась в том, что идти надо, всегда держась близ источника воды; тем не менее этот путь нельзя назвать абсолютно безопасным: дикие звери — и особенно медведи — иногда выходят к воде, чтобы напиться, так что нужно проявлять осторожность.

Ещё крайне важно смотреть под ноги, чтоб не поскользнуться на мокром камне или не влезть в непролазную грязь, но это и так ясно.

Поднимаясь всё выше и выше, я наткнулась на две сухие, толстенькие, упавшие с дерева ветки и решила попробовать их в качестве лыжных палок. Но ходить с одним японским мечом было всё же удобнее, хоть он и не палка, а точно такой же заменитель, впрочем, грех жаловаться: ветки лучше, чем ничего.

Допустим, если всё время идти вдоль реки, в конечном счёте я выйду к «связанному с ней» водопаду Ога, но ведь тогда можно просто искупаться в этой реке: по сути, я всё равно достигну своей цели — окунусь в воды водопада, — такие гнусные, бессовестные мысли рождало моё сознание, и если это настоящая я, если после сурового подъёма по двум с половиной горам я встретила в своём лице с подлой и грязной трусихой, то мне стыдно смотреть в глаза не только учителю, но и родным.

Нет ничего более глупого, чем отправиться на встречу с самой собой, после которой тебе станет совестно видаться с кем-либо другим... Поэтому я дойду до конца.

Продолжу восходить по склону.

С другой стороны, нельзя и про голод забывать.

Сейчас куда важнее заняться поиском еды, чем следовать графику: остаться в живых — это самое главное.

Даже если нужда заставит меня полностью пересмотреть план действий, *добыча пищи* всегда должна быть в приоритете... Но нельзя забывать: чем дольше я пробуду в этих горах, тем острее встанет проблема питания. Всё-таки не бывает так, чтоб день прожил — и без еды: людям надо есть каждый день.

Если б я взяла с собой каноэ, то легко бы спустилась вниз, но пока не время думать о дороге назад.

Учитывая, что гора Кати-кати — вулкан (не знаю, правда, спящий или потухший), почва на ней, видимо, не подходит для выращивания культур: я не нашла ни знакомых овощей, ни фруктов, ни грибов — ничего.

Странно...

Должна же тут расти капуста, яблоки, бананы — где они все?

Даже если бы на самой вершине гор росли какие-то известные овощные культуры, то вряд ли их корни, плоды, клубни или ботва были бы хоть как-то приятны на вкус.

Всё-таки овощи, продающиеся в супермаркетах (и не только там), выращены людьми для людей: о растениях заботились, пока те росли, защищали от вредителей, поливали, подкармливали, их подготовили к отправке на рынок — словом, сделали всё для того, чтоб человеку было вкуснее и проще их съесть.

...Что-то чем больше думаю о еде, тем крупнее кажется проблема.

Тогда зачем волноваться о мелочах? Голод жрёт меня изнутри: так сильно хочется кинуть чего-нибудь в рот, что не время грезить о вкусной или простой пище...

Да как же так?

Я ведь вчера поела как следует, так что надеялась продержаться без завтрака хотя бы до полудня, но неужели никак?

Не протяну?

Под ногами торчит столько сорняков — может, ничего и не случится, если пожую какой-нибудь?.. А то, я слышала, многие дикорастущие травы съедобны.

Да и говорят же, что нет такой травы, как «сорняк»¹.

А что, если накидать трав в походный котелок — он стал бесполезен, после того как я потеряла рис, — и прокипятить их, прежде чем есть, — вдруг обойдётся?..

В голове роилось столько разных мыслей... и в то же время ни о чём конкретно я не думала, — не могу сказать точно, но, как бы то ни было, я остановилась перед какими-то зарослями, машинально потянулась к стеблям, и...

— Ну что за охота нарочно ядовитые-то цапать, а? — кто-то с силой схватил меня за запястье и остановил.

Дежавю.

Вчера, когда я чуть было не сорвалась со скалы, меня схватили точно так же... «С ума сойти! Неужели снова Блонди с Каре?» — я повернула голову, — рядом со мной и вправду стояла светловолосая альпинистка, но не та маленькая девочка, о которой я подумала.

Эта была с виду похожа на старшеклассницу; волосы заплетены в две косички... Хотя возраст учащихся и само определение старшей школы в Японии и за рубежом разнятся — раз на раз не приходится, — однако в целом светловолосая девушка была примерно моего возраста.

— Покроешься сыпью — лизать не стану! Не то худо языку будет, — предупредила Блонди с Косичками, как будто откуда-то знала, что Блонди с Каре уже лизала мне плечо... Это что, какая-то «родственная телепатия»?

У нас с Цукихи-тян ничего такого нет.

Может, я не так поняла слова Блонди с Косичками — я была не в состоянии нормально соображать — и девушка, как альпинист и как любитель гор, просто пыталась сказать, что к подъёму надо относиться серьёзно?

А ведь и правда, собирать в отчаянии горные травы: либо пан, либо пропал — иного не дано. Если б я покрылась сыпью, было бы не до шуток.

— А ты... Ну-у...

— Я кузина.

...Да уж, кто бы сомневался?

До чего ж большая семейка — сколько их тут ещё в горах?

Странно: они так далеко разбрелись друг от друга.

И неужели ни у одной из них не было нормального преподавателя, который обучил бы стандартному современному японскому языку?

— Али кузина моя не бранилась, чтоб ты не сувала в рот что ни попадя?! — удивилась Блонди с Косичками, цепко держа меня за запястье, чтобы оттащить от (ядовитых) зарослей; на лице девушки читалось возмущение, будто я пропустила мимо ушей именно её наставление, а не чьё-то другое. Видимо, между кузинами уж очень сильная эмпатия.

Но разве на меня кто-то ругался по этому поводу?

Вообще такого не помню!

— Знать, дырявая память-то у тебя! Хоша списать можно на худосочность от нагрузок. Уж коли на то пошло, так помяни другое! Али не дарила тебе одна благороднейшая и любезнейшая горвосходительница ничего, что сил в пути придаёт?

О!

Я вспомнила!

И как вообще могла забыть — мучаюсь хожу столько времени! Прошло всего-навсего два дня, а кажется, будто это было два года назад!

Точно, у подножия горы Онияй, первой из трёх гор Ога, Блонди с Хвостиком дала мне плитку шоколада!

Шоколад! Калории!

Та-ак, куда же я подевала плитку, ну-ка...

А-а, вроде бы запихнула в карман толстовки да там и оставила?

Я пощупала его, беспокоясь, что плитка, как и рис, тоже могла кануть в бездну... Дело в том, что боковой карман не застёгивался на молнию, но, к счастью, шоколад всё ещё был внутри.

Вот только форма у плитки стала какая-то кривая, будто она когда-то растаяла, потом снова затвердела — наверно, постаралось солнце, нещадно палившее во второй день? — но вкус, я думаю, всё равно никуда от этого не делся.

— Ам. Хрум-хрум... А-ах, вот они! Я чувствую, как во рту разливаются полифенолы!²

— Экий язык у тебя чуткий, коли ты разобрать можешь, есть в пище полифенолы али нет! — удивилась Блонди с Косичками. — На месте побудь, — девушка развернулась и отошла назад к зарослям.

Она зашла в траву недалеко, примерно на длину моей тени: наверно, обронила там что-нибудь?

Я не двигалась и смотрела на девушку с отсутствующим видом (всё же одной плиточки шоколада маловато, чтобы заставить меня снова соображать); вскоре Блонди с Косичками вернулась, держа в руках пучок разных трав, будто букет цветов.

— На-от, травки съестные. Нарвала тебе.

— Спасительница! — я обняла Блонди с Косичками.

Она хоть и была туристкой из далёкой страны, но казалась мне близкой, родной, поэтому я выразила свою благодарность в такой несвойственной для японцев манере — заключив в объятия.

— Решено: пойдёшь со мной на выпускной бал!

— В школах японских балы не дают.

— Ты ангел! Нет, богиня!

— Ой-ой, не надо, прошу! Не называй меня ангелом или богиней, а то может случиться беда!

— девушка вдруг перестала говорить как старуха.

«Беда»?

Какая?

— Сейчас я их приготовлю! Это недолго — присоединяйся, поедим! — пригласила я на радостях (ура, долгожданная еда!) Блонди с Косичками к обеду; зато как громко было сказано — «приготовлю», хотя делов-то — кинуть в котелок да отварить.

— Приглашение твоё не приму, но ты зла-то на меня не держи: я кормом подножным, что из земли растёт, не питаюсь, — сухо и резко отказала Блонди с Косичками.

Я была так благодарна ей, но после этих слов чувства начали потихоньку остывать.

Как грубо и жестоко!

Тогда зачем ей разбираться в диких травах: где — съедобные, а где — ядовитые?

— В силу кой-каких причин я привередлива в еде... Верней, энто кое-кто очень близкий мне привередлив в еде, — так стало яснее?... Ка-ка! — не в меру загадочно выразилась Блонди с Косичками и звучно посмеялась, но в этом смехе, казалось, звучала горькая насмешка над собой. — Потому-то я не разделю с тобою трапезу, хоша-от за компанию посидеть могу, — попытожила она и плюхнулась на землю рядом с газовой горелкой, которую я разжигала. Блонди с Косичками сидела, согнув одну ногу в колене; язык не поворачивался назвать такую позу приличной, но девушка, даже приняв её, выглядела благородной и грациозной.

Или не благородной, а божественной?

Ой, нет, её же вроде нельзя называть богиней?

Почему, интересно?

— М-м? Чего zenки пучишь? — спросила она.

— А, я-а-а... Да так. Говорят же, что в горах живут боги, — вот я и задумалась... — мой ответ оказался нарочито двусмысленным.

Пожалуй, даже с очевидной подоплёкой.

Я слышала много историй про богов и горы... Но вовсе не хочу сказать, что приняла за божество иностранную туристку, случайно встретившуюся во время подъёма.

В то же время Блонди с Косичкой — да и вся её светловолосая семья — очень сильно помогла мне, — неоспоримый факт.

После стольких случайных встреч даже мне начало казаться, что это выходит далеко за рамки случая или совпадения и смахивает на какой-то божественный промысел, а я вообще-то отношусь к сверхъестественному довольно скептически.

— Пф-ф, горы есть горы и не более. Никаких богов на них нет, — решительно заявила Блонди с Косичками (кажется, она не особо веровала). — Хоша соглашусь, что горы — места таинственные. Небось, в этом-то и кроется основная причина приписываемой им божественности... А со мной-от полная противоположность горам шутку сыграла.

— Противоположность?..

— В моём случае это было озеро... Да что уж теперь-то толковать — старая история. Предания старины глубокой. У вас в стране, чай, издревле принято считать природные явления богами, привидениями, оборотнями или видеть эти явления действиями оных. А всё чтоб почитать природу, чтоб трепетать пред ней. Этакая вера аккурат и рождает странности... Хоша на самом деле странности могут существовать, поди-ка, лишь в сердцах да умах людей.

— ???

Под конец я совсем перестала понимать, о чём она говорит... Было стыдно, что с этим аспектом японской культуры меня познакомила иностранка, но, с другой стороны, она же «горный маньяк», — вон как далеко забралась в свой турпоход; я бы, наверно, куда сильнее удивилась, если б у неё вообще не имелось своего взгляда на горы.

«Странности», значит?

Подумав, что отмолчаться было бы невежливо по отношению к своей спасительнице, я решила вставить своё словцо:

— То есть хочешь сказать, что все страхи и ужасы живут в воображении? Типа... если душа окутана сомнениями, внутри рождается чёрт? — рассуждала я вслух, а про себя по ходу думала: «Нет, что-то я не так поняла: речь-то велась о другом!» — и ругалась, мол, лучше бы не лезла в разговор, но Блонди с Косичками, то ли решив поважничать, то ли проявив великодушие, согласилась со мной:

— Похоже на правду, — а затем развила мысль: — Демоны рождаются в сердцах людей и живут в их тенях... Но я толкую о других демонах: их представление разнится от тех, что в вашей стране видеть привыкли. Оттого-то люди, поди, такие интересные, что разные каждый по-своему... Ну, давай рассказывай!

— Что рассказывать?

— Хорош трепаться о богах да демонах... Встретилась ты уже с собой али нет? А то странствие твоё к концу подходит: цель-то вон близко совсем.

— А...

Что?

Разве я говорила ей, что пришла сюда пообщаться с самой собой? А иначе как бы она узнала, если б не я? Плохо дело: не помню; кажется, мой мозг всё ещё истощён.

— Не сказать, чтоб встретилась. Все мои силы уходят на то, чтобы просто остаться в живых... Наверно, придётся сначала окунуться в водопад, — там и будет ясно.

— Все силы уходят на то, чтобы просто остаться в живых? Иной бы тебе позавидовал. Вишь ли, в мире есть и такие, кому трудно умереть.

— Правда? Такие люди существуют?

— Существуют они али нет, живы они али мертвы — кто их разберёт? Глянь, травы-то, поди, уж готовы. Лопай давай, — подсказала Блонди с Косичками.

— Да, точно. Спасибо за еду, — поблагодарила я, сняла с горелки котелок и стала пить отвар с травами прямо из него... М-м, напоминает овощной суп, только, честно говоря, неаппетитный.

То ли он горький, то ли безвкусный — не разберу; травы я, видимо, переварила: даже жевать не надо: пролетают сразу... Казалось, я пью какую-то отраву.

Раньше я верила, голод, мол, лучшая приправа к пище, но что-то теперь сомневаюсь... Опять-таки грех жаловаться: Блонди с Косичками собрала эти травы для меня (хотя сама отказалась их есть).

«Еда — жизнь, еда — жизнь, еда — жизнь», — повторяла я в уме, словно какое-то заклинание, продолжая жадно глотать отвар. Чтобы добраться до цели — хотя она, по словам Блонди с Косичками, уже совсем близко, — нужно наесться как следует.

— Покуда ешь, запомни-от травы как выглядят. И коли заметишь их где теперь — непременно собирай: мимо не проходи. На первой горе они тоже расти должны — по дороге домой голодать не будешь.

— Большое спасибо тебе за всё!

— Рассыпаться нет нужды. Засим я удаляюсь, — пробурчала Блонди с Косичками и вскочила на ноги.

Плитка шоколада и «овощной суп» с горем пополам заставили голову снова варить, и моё внимание привлёк один вопрос...

— Слушай, а сколько вас здесь вообще? — озвучила я свои мысли.

Одна, две, три, четыре (включая Блонди с Косичками) — вот сколько я уже видела, пока лазала по горам.

Третья кузина, Блонди с Каре, предупреждала, что на своём пути я могу встретить других её кузин — и одна действительно спасла меня, — но они всегда появляются так внезапно, что каждый раз пугают до чёртиков.

Ещё не хватало заработать сердечный приступ!

Так что я спрашивала не только из любопытства: если дальше на пути к водопаду есть ещё какие-то её родственницы, я бы хотела знать поподробнее, как они выглядят и где с ними примерно можно пересечься. И вообще...

Ждёт ли меня встреча с новой кучей светловолосых златоглазых кузин, спускающихся с горы, или же Блонди с Косичками замыкающая?.. На мой вопрос девушка ответила так:

— Не важно, со сколькими людьми я пришла в горы... А вот со сколькими пришла ты?

Она спросила у меня то же самое.

«Разве не видно, со сколькими я пришла?» — крутила я её вопрос в голове, не зная, что сказать; на моё молчание губы Блонди с Косичками расплылись в отнюдь не ангельской, а дьявольской улыбке:

— Ужель ты думала прийти сюда одна?

Примечания

1. Эта фраза принадлежит Макино Томитаро (1862-1957) — известному японскому учёному, которого часто называют «отцом японской ботаники». Он посвятил всю жизнь исследованию и классификации растений, описав почти 50 000 видов. В 1948 г. Макино Томитаро пригласили в Императорский дворец для чтения лекций по ботанике для императора Хирохито, — тот тоже увлекался этой наукой. Однажды, прогуливаясь вдвоём по саду, император сказал Макино: «Дальше растут одни сорняки», предлагая тем самым учёному развернуться и пойти обратной дорогой, на что тот ответил императору: «Нет такой травы, как „сорняк“. У каждой травинки — своё название». Макино имел в виду, что все растения живые, что каждое по-своему важно в зависимости от своих свойств и что ко всему необходимо относиться одинаково.

2. Вещества, отвечающие за вкус и внешний вид продуктов. Цвет ягод, горькость грейпфрута или того же шоколада, терпкость чайного настоя — это всё полифенолы.

Ну конечно я думала прийти сюда одна!

Более того, так и сделала!

Я решила, что должна пойти в одиночку, а иначе какое это *ямагомори*? Мне казалось, очень важно преодолеть этот опасный путь самостоятельно.

Если б я захотела, то могла бы позвать с собой в горы друзей из школы или товарищей по додзё: вряд ли бы учитель отказала мне в просьбе, однако же я не стала просить её об этом.

И решила по-своему.

Решила сама.

Меня абсолютно не волновали ни возражения братца, ни одобрение Цукихи-тян, — это никак не повлияло на моё решение. Арааги Карэн решила поступить на свой лад.

Или я заблуждаюсь?

Со стороны кажется, будто я слепо доверилась учителю, взбунтовалась против брата, Цукихи-тян подбила меня на авантюру, и я, не думая даже, не спросив себя, зачем мне это нужно, отправилась в непонятный поход, да?

Неужели я человек без личности?

Неужели у меня нет своего «я»?

Озадачившись всем этим, я двинулась дальше по склону горы Кати-кати, только вместо горовосхождения показывала чуть ли не рековосхождение...¹ Что ж, стоило хоть чем-то перекусить, как ко мне вернулись пусть не физические, но духовные силы.

Блонди с Косичками исчезла бесшумно: я и не заметила. Наверно, девушка драпанула вниз по реке, когда я на секунду потупила голову, замешкавшись от её непонятного вопроса.

Но зачем убегать от меня во весь опор (если, конечно, это было так)?

Я опять не поблагодарила человека как следует, и от этого чувства противно засосало под ложечкой. Может, стоило взять у девушки номер?

Ну, если по пути встретится ещё одна кузина, я обязательно попрошу её передать благодарность всем, кто помог мне.

Заняв голову подобными мыслями, я старалась не спеша шагать вдоль берега против течения: каждый шаг делала с расстановкой, выверяла движения, но горы не щадили, как бы серьёзно я ни относилась к подъёму.

Они не так просты и не так добры.

Взять хотя бы, к примеру, ту же третью: погода на ней была настолько неприветливой, что казалось, будто сама гора Кати-кати противится посягательству человека на её земли... А в горах, как известно, погода изменчива и капризна.

Вооружившись этой мудростью, я ожидала, что где-нибудь по пути может пойти дождь, поэтому перед походом положила в рюкзак дождевик.

Он, к счастью, не выпал: я проверяла.

К тому же я отправилась в горы, думая окунуться в водопад, так что была готова идти даже в ливень: всё равно ведь мокнуть, однако эта гора превзошла все мои ожидания.

Нет, на меня обрушился не проливной дождь.

И не страшные гром и молнии.

Ненастье не было таким бурным и громким, как ливень или гроза; оно подкралось ко мне тихо и незаметно, застало врасплох, и когда я обратила внимание, то обнаружила себя окружённой со всех сторон.

От последних слов складывается впечатление, будто меня окружили дикие звери, но на самом деле это были не какие-то живые существа... а туман.

Непроглядный туман.

На сленге альпинистов его вроде бы называют газом², но суть остаётся одна, как туман ни назови: он застилает всё белой пеленой... Я шла вперёд, постоянно смотря себе под ноги, чтобы не споткнуться, и вся эта осторожность вышла мне боком: похоже, я заблудилась в тумане.

«Да разве бывает такой туман?» — думала я, разинув рот от удивления.

Ситуация обострилась до предела; было очевидно: надо что-то решать, но шок никак меня не отпускал.

Туман всегда так отчётливо виден?... Я думала, что это максимум лёгкая дымка, которая едва подёргивает ландшафт.

Удивительно: всё вокруг белым бело!

Будто окрашено этим цветом!

В горах, конечно, стелятся туманы, но этот был настолько густым, что для его описания больше бы подошло слово «мара»: виднелось только то, лежало прямо под ногами, а всё остальное заволочло белым. Даже снежный пейзаж не бывает таким!

Не знаю, что меня ждёт дальше: путь сокрыт во мраке... нет, в белизне.

Альпинист я неопытный, так что не могла решить, как лучше: переждать на месте в надежде, что мара рассеется сама по себе, или же быстрее двигаться вперёд, стараясь выйти из неё?

Заблудившись в маре, я как будто оказалась в кошмаре.

Рельеф под ногами непредсказуемый: даже при отличной видимости трудно идти, а тут она вообще ни к чёрту, поэтому я по наивности думала, что лучше всего остановиться, но вдруг со временем мара так и не рассеется? Я тогда окажусь в ещё более уязвимом положении: в этой непроглядной пелене нормально приготовить себе еду не получится.

Разводить огонь бессмысленно: виднее с ним не станет, только одежда пропитается влагой от перепада температур; другое дело тёмной ночью, — тогда он хотя бы зверей отпугивает, хотя точно так же не разгоняет сгустившийся мрак.

В общем, если ждать у моря погоды, возможно, я опять доведу себя до истощения... В случае крайней необходимости можно съесть горные травы в сыром виде (если уж совсем прижмёт, колебаться будет некогда), хотя это, конечно, рискованно.

Но в такой ситуации любой выбор сопряжён с риском, большим или малым, и что бы я ни выбрала, а за малейшую ошибку придётся расплачиваться жизнью.

Это что, тоже должно помочь мне «вернуться лицом к себе»?

Как бы там ни было, я решила двигаться дальше вдоль реки, ориентируясь в маре по звуку журчащей воды... Ничего страшного: на тренировках нас не раз учили драться с повязкой на глазах.

Хотя они проходили в додзё...

А впрочем, на горе было куда больше звуков, чтоб можно было выбрать себе ориентир. Однако надо было ступать ещё аккуратнее прежнего, чтобы не поскользнуться...

«Так, не волнуйся. Тебе нечего бояться: даже если на этой горе водятся медведи или дикие кабаны — они попрятались кто куда и в такой густой туман носа не покажут», — насилу успокаивала я себя и, опираясь на «лыжные палки», сделанные из двух веток, осторожно пробиралась сквозь непроглядную белую пелену.

Примечания

1. Речь идёт о *саванобори* — виде японского альпинизма, который включает в себя восхождение по горным потокам к их источникам. Спортсмены идут против течения (иногда им даже приходится плыть), взбираются по водопадам, держась за скользкие камни и сопротивляясь потоку, который обрушивается им на голову, и т. д. Многие не останавливаются на преодолении сложных водных преград и ставят себе целью дойти до родника.

2. Слово «*гасу*» (от нидерл. *gas*) действительно используется в сленге японских альпинистов и обозначает густой туман, который скрывает всё вокруг и не даёт как следует рассмотреть, куда ступаешь.

Гора Кати-кати.

Третья из трёх гор Ога.

Мне казалось, что её название — отсылка к горе из той сказки и что я даже, наверно, попала в точку со своей догадкой. Я была уверена: оно берёт своё начало оттуда... но, как выяснилось, здесь скрывалось нечто большее.

Вскоре я убедилась, что была другая и самая важная причина, почему эту гору стали называть именно так.

Кати-кати.

Кати-кати. Кати-кати.

Кати-кати. Кати-кати. Кати-кати.

Кати-кати. Кати-кати. Кати-кати. Кати-кати.

Чем дальше продвигалась в море (а куда шла — не понятно: дороги перед носом не разобрать), тем отчётливее слышался *этот* звук, — тогда-то я во всём и убедилась.

...По сюжету сказки заяц чиркает кремнём о кресало, чтоб высечь сноп искр и поджечь вязанку хвороста на спине тануки, отчего раздаётся характерный звук: «Кати-кати», — вот почему гора, на которой это случилось, получила такое название.

Вроде была ещё версия сказки, когда гору называли «Бо-бо», после того как огонь охватывал всю вязанку тануки...¹ И если уж мы так привязываемся к звукам, то горе, пожалуй, недалеко было и до третьего названия — «Тику-тику»².

Кати-кати.

Кати-кати. Кати-кати.

Кати-кати. Кати-кати. Кати-кати.

Кати-кати. Кати-кати. Кати-кати. Кати-кати.

Я знала... что это за звук.

Почему-то он казался знакомым.

Я ещё никогда ни с чем подобным не сталкивалась, но полностью осознавала: этот звук предупреждает: берегись.

Предупреждающий звук... *Кати-кати.*

Предостерегающий звук... *Кати-кати*.

Да.

Его издаёт *то насекомое*.

То самое насекомое, занимающее первую строку в списке самых больших опасностей, с какими только можно столкнуться в горах.

Даже медведи не убивают столько людей, сколько эта букашка...

— Японский гигантский шершень...³ — проронила я тихим голосом.

Хотя какой там голос, когда ни вдохнуть, ни выдохнуть: мышцы лица одеревенели.

Я испугалась.

Ледяной страх беспощадно сковал и тело, и разум: ни пошевелиться, ни подумать.

— ...

В любой книге об альпинизме обязательно будет статья про это насекомое. Гигантские шершни настолько свирепые и жестокие, что могут напасть на человека просто потому, что тот вторгся на их территорию, и заколоть своими ядовитыми жалами.

В отличие от медоносных пчёл, эти шершни жалят по несколько раз подряд. Если жертва, получив укус, сядет на корточки, пытаясь как-то сжаться в надежде, что насекомые отстанут, её все равно облепит гигантскими шершнями, и за короткое время человек станет натурально живым ульем: весь в дырках, как соты, — чем не ирония судьбы?

Как ни крути, а убежать от них не получится... А перед тем как напасть, рой гигантских шершней издаёт предостерегающий звук.

Тот самый *кати-кати*.

Щёлкая челюстями, шершни посылают сигнал нарушителю их территории, — так они вроде бы пытаются определить: не враг ли к ним пожаловал? Говорят, если замереть на месте и не раздражать их резкими движениями, при должном везении есть шанс избежать укусов.

А если побежать — они, естественно, поналетят... Боюсь, в моём положении нет верного выбора.

Верным выбором было бы вообще не заходить на территорию, где по всем признакам обитает колония японских гигантских шершней... но мне это уже никак не поможет.

Я совершила ошибку.

Только когда именно?

Когда прикинула, что лучше попытаться выйти из мары? Или когда бездумно согласилась отправиться в горы? Я корила себя уже за все неудачные решения.

Они всплывали в памяти одно за другим, и каждое впивалось в меня иглой.

В груди вспыхнуло сожаление, терзая душу колючими языками.

...Иногда такого навоображаю, что самой страшно.

Из-за густого тумана я не видела, а только слышала шершней, зато живо представила, как со всех сторон меня окружил целый рой, и мысленно раздула его до невозможных размеров: воображение рисовало десятки тысяч гигантских насекомых, они готовились вонзить свои смертоносные жала прямо в моё тело.

Чёрт, я не могу просто стоять на месте!

Сохранять спокойствие и не двигаться, пока шершни не улетят? Ну нет, это выше моих сил! Я хотела было броситься прочь, но ноги словно сковало невидимыми путами: не двинуться. Если на медведей я ещё была готова налететь с кулаками, подбадривая себя воинственным криком, то с шершнями даже не рассматривала такой вариант: жалко тратить время, лучше подумать о другом.

Что же делать?

Сейчас заплачу.

Мне плохо.

Голова болит.

Тело знобит.

Пот течёт рекой.

Подкатывает тошнота.

Нечем дышать.

...Мысль гуляла и не задерживалась; я ни на чём не могла сосредоточиться. Неужели меня настигла горная болезнь? Серьёзно? Здесь и сейчас?

«Доберись до реки по звуку и прыгни в неё», — единственное, что выдал в итоге мой мозг, хотя соображать уже не было сил. Рой гигантских шершней представлялся целой армией, но ни один из этих бойцов, даже при всей своей неотступности и доблести, не решится нырнуть в воду. Я не знала, выживу ли после прыжка, но была согласна на любой итог. Унесёт ли меня течением, утону ли я или моё сердце не выдержит от переохлаждения — всё равно.

Кати-кати.

Кати-кати. Кати-кати.

Кати-кати. Кати-кати. Кати-кати.

Кати-кати. Кати-кати. Кати-кати. Кати-кати.

Я была готова на всё, лишь бы не слышать больше этот звук...

— Слушай! — раздался чей-то голос.

Кто-то подкрался со спины и крепко ухватил за плечи.

Вокруг и так клубился густой туман, а этот кто-то стоял позади меня, так что нельзя было разглядеть ни цвет его волос, ни причёску.

Но там явно кто-то был.

Я услышала этот голос... и почему-то почувствовала невероятное облегчение.

Тело расслабилось, будто все силы разом оставили его.

— Слушай... меня... внимательно! Подумай: разве могут гигантские шершни летать *в такой маре?*

Точно!

И вправду не могут!

Шершни, также как медведи или дикие кабаны, должны не проявлять активность во время мары, а прятаться... Не знаю, насколько хорошо видят насекомые и что там у них с восприятием расстояния, света и тени, но перед густым туманом, по идее, все глаза равны.

Значит, это был не предостерегающий звук?

Но если он принадлежал не шершням, готовым зажалить меня до смерти... тогда заманивал в опасное место, из которого не выбраться живым?

Или это усталый разум сыграл со мной злую шутку и звук мне только померещился?

А может, я сама его озвучивала, посылая себе сигнал предостережения?..

— Я проведу. Продолжай идти, — сказал кто-то за моей спиной, всё так же держа за плечи, а потом резко толкнул — расслабленное тело послушно подалось вперёд, и я по инерции начала подниматься по склону.

Кати-кати... Я всё ещё слышала этот звук.

Но с каждым шагом он становился тише.

Постепенно исчезал.

Уже едва достигал слуха.

— Продолжай идти вперёд своей дорогой, — донёлся голос из-за спины; тот странный звук между тем полностью стих, будто его и не было... Я находилась под впечатлением от пережитого, но страха больше не чувствовала.

Не потому, что кто-то подталкивал меня сзади.

А потому, что решила с этого момента идти вперёд не на слабо учителя, не наперекор братцу, не по убеждению Цукихи-тян, а только по своей воле.

Своей дорогой...

И пускай дороги перед собой было не разобрать, но я не отчаивалась и прокладывала её сама.

Примечания

1. Звуком «*бо-бо*» в японском языке показывается сильный шум огня.
2. Звуком «*тику-тику*» описывается колющая боль. Карэн имеет в виду, что после возгорания связки хвороста пламя следом начнёт колоть иголками спину тануки, отсюда и получится новый звук для названия горы.
3. В Японии этот подвид крупнейших азиатских гигантских шершней называют *оо-судзумэбати* (огромная пчела-воробей). «Пчела» из названия говорит о расцветке, а «воробей» — о размере особей. В длину они достигают до 6 см, а размах их крыльев — до 7 см. Ежегодно в Японии от укусов этих шершней погибает от 30 до 50 человек, — они убивают гораздо больше, чем любое другое дикое животное.

Пройдя сквозь густой туман, я вышла к водопаду Ога.

Мара закончилась так внезапно; похожее чувство бывает, когда задремлешь в поезде, проснёшься — и вдруг обнаружишь себя на конечной... Третий день тем временем уже близился к закату; вечернее солнце медленно опускалось за линию гор, но его мягкий свет всё равно казался мне, по выходу из непроглядной пелены, ослепительно ярким.

Видимо, я прошла лес ещё где-то там, в тумане; передо мной неожиданно открылся живописный вид на широкий горный пейзаж, залитый красноватым солнечным светом; всё ещё тёплые лучи заходящего солнца, прямые и отражённые от скал, от земли, от воды, скользили по моему усталому, измождённому телу и приятно согревали его.

Я обернулась, чтобы посмотреть на того, кто пришёл ко мне на помощь в густом тумане и подтолкнул вперёд, но позади никого не было. Ну вот, а я ведь считала своим долгом как следует поблагодарить всех кузин...

— Х-ха... — из груди вырвался тяжёлый вздох, однако сидеть и расслабляться было некогда: я хоть и достигла цели, но, по сути дела, только добралась до отправной точки.

Всё-таки я полезла в горы не ради самих гор, а чтоб добраться до водопада.

В моём смутном представлении водопад Ога растянулся в ширину на много десятков, если даже не сотен метров, однако в реальности он оказался не таким огромным... Я искренне считала себя обманутой.

Радость тут же улетучилась.

А ведь я, между прочим, насмотревшись на Ниагарские водопады в какой-то передаче по телевизору, воображала, что водопад Ога не уступает им... Однако вскоре, немного успокоившись и взвесив всё здраво, поняла, что в нынешнем состоянии не выдержала бы напора воды под водопадом таких размеров и умерла; более того, разрушительный поток наверняка превратил бы моё тело в кровавое месиво. И тогда уже не только я не встретилась бы с самой собой: мои останки, скорее всего, точно так же не встретились бы с оставшимися в живых членами моей семьи.

Но хоть водопад Ога и не тянулся в ширину на десятки метров, как я представляла его себе, — если подбирать ему описание, я бы всё же назвала его скорее маленьким, чем широким, — зато для японского водопада он был, по-моему, довольно высоким. Иначе говоря, вблизи перепад высот казался очень даже приличным.

Не могу измерить точно, но если так, на глазок, то поток воды стремительно ниспадал где-то с пятнадцати метров... Водопад Ога, конечно, и рядом не стоял с Ниагарскими водопадами: его не сравнить с ними ни по высоте, ни по ширине, ни по объёму падающей воды, тем не менее я всё равно содрогалась при мысли, что мне предстоит встать под него, так что нужно было сначала взбодриться и собраться с духом, прежде чем окунаться.

Да что это со мной? Я ведь пробилась через медведей, преодолела игольчатые скалы, пересилила голод, пробралась сквозь мару и победила японских гигантских шершней, — разве можно после всего этого пугаться *такигё*?

Поначалу я решила оставить водные процедуры на завтра, а сегодня вечером только поужинать (отваром из трав) да лечь пораньше в надежде хорошо выспаться, но потом подумала, что если есть возможность — надо, как говорится, ловить момент.

А то я вся упрела, пока мыкалась во влажном и душном тумане: и одежда, и обувь — всё промокло, так что была готова забыть своё недовольство и взглянуть на вещи с практической точки зрения: очень уж хотелось освежиться.

По идее, купаться там же, где совершается *такигё*, — непочтительный поступок: под потоком воды я должна закалять своё тело и дух, а не ополаскиваться, но я думаю, что после долгих скитаний в густом тумане всё-таки заслужила небольшую награду.

В общем, перед ужином мне захотелось «принять душ», я достала из рюкзака *доги*¹, в которой занималась карате... А ведь как раз из-за неё и было так тяжело собираться: я запихнула одежду на самое дно рюкзака, поэтому набить его всем-всем необходимым снаряжением не вышло², но я всё равно не могла отправиться в *ямагомори* и не взять *доги* с собой, — что уж теперь?

Перед омовением в водопаде нужно надеть форму³.

Я сняла толстовку и шорты, которые были настолько мокрыми, будто я уже окуналась в воду прямо в них, и стала переодеваться в *доги*. Водопад Ога и прилегающая к нему территория начинались сразу за туманом, плюс места эти вроде как неизведанные — можно не волноваться о чужих глазах.

Такой райский уголок — и только для меня одной!

«Хорошо, что рюкзак водонепроницаемый: *доги* осталась сухая, несмотря на туман... Ну, зато сейчас промокнет до нитки», — думала я, завязывая чёрный пояс.

Потом пересобрала волосы в хвостик на затылке и размялась.

Всё-таки перед *такигё* нужно как следует разогреть мышцы, хотя ещё совсем недавно я собиралась прыгнуть в реку, наплевав на то, что сердце может не выдержать.

Я не стала входить сразу в озерцо у подножия водопада, а решила сперва издалека оценить, что меня там ждёт, попробовав ногой глубину вытекающей оттуда реки. Вода оказалась холоднее, чем я себе представляла.

Да её температура, по-моему, ниже нуля!

Нет, тогда бы вода заледенела, да? А эта-то течёт.

К водопаду я двигалась против течения, но река здесь была ещё неглубокой — ничего сложного; я шла в толще воды не спеша, чтобы не поскользнуться вдруг на мхе, и надо

сказать, что идти тут было проще, чем в тумане... Вряд ли в этой реке можно утонуть, да и температура воды не настолько низкая, чтоб прихватило сердце, хотя вот окоченеть в ней, по моему, вполне реально.

Я ещё не на самой вершине горы, а только в окрестностях, но тут уже так холодно?

Хм-м... А-а, Цукихи-тян вроде бы говорила... что с подъёмом на каждые 100 м высоты температура воздуха понижается примерно на 0,6 °С... С водой то же самое?

Наверно, всё же лучше было бы отложить омовение до завтрашнего утра или даже дня, но вдруг другого шанса у меня не будет? К тому же кто знает, хорошая ли погода установится завтра: я уже испытала на себе, какой капризной и изменчивой она бывает в горах.

Двигаясь в сторону водопада, я с плеском разводила руками воду перед собой, но не плыла, а переставляла ноги по дну реки, следя за тем, чтобы подошвы плотно касались поверхности... У меня разыгралось воображение: я представила, что в скале, за лентой падающей воды, неожиданно найду пещеру, а в ней, например, сокровище, но, когда добралась до места, никаких тайных ходов там не обнаружила⁴.

За водопадом был только утёс.

Ну, учитель так-то не любитель всяких выдумок: вряд ли она послала меня в горы, чтобы в конце я нашла какой-нибудь спрятанный у подножия водопада свиток с секретами мастерства, передающимися из рода в род...⁵ Нет, она человек честный, без всяких уловок.

А я — такая же честная ученица, поэтому буду храброй, пойду и встану под водопад... Но за несколько метров перед ним в голове забурили сомнения: «А... Я что, серьёзно готова на это пойти?»

Одно дело, когда бурлит поток воды, но когда бурлят сомнения — это уже плохо.

Я поняла, как некрасиво было сердиться на водопад Ога за обманутые надежды, мол, он не похож на Ниагарские водопады, — я поняла это, когда подошла к нему поближе и увидела, с какой ужасающей силой вода падает вниз... Если тяжёлые капли запляшут по моей макушке, боль будет как от ударов обухом по голове.

Казалось, что на такой высокой скорости струи воды разрежут меня... Или нет, я умру от гидроудара.

Когда встану под поток, его давление мигом раздавит в лепёшку моё измученное тело?

Да, так что в таком состоянии я... Нет.

Ошибаешься. Ошибаешься, Арараги Карэн!

Всё тело ноет от боли, со ступней местами слезает кожа, колени лихорадочно дрожат, руки дёргаются от спазмов, сил почти не осталось. Сколько бы трав я ни съела, голод никуда не исчезнет; организму не хватает питательных веществ; и хотя я не страдаю горной болезнью, но мыслить трезво всё равно не могу. Короче...

— ...Короче, я в наилучшей форме!

«Эх, была не была!» — прокричала я и шагнула прямо в водопад, даже не проверив, глубоко ли под ним; непрерывная лента воды с бешеной силой и рёвом обрушилась мне прямо на голову.

Никакой бурный поток не погасит моё пламя!

Примечания

1. Одежда для занятий боевыми искусствами. В карате она состоит из трёх частей: *уваги* (куртка), *дзубон* (брюки) и *оби* (пояс).
2. Помимо того что каратист должен складывать свою форму определённым образом, он обязан всегда содержать её чистой, сухой и опрятной. Если бы Карэн набила рюкзак до предела, то её форма неизбежно помялась бы под весом наваленных сверху вещей.
3. Первое правило перед совершением *такигё* — переодеться. Любой человек должен надеть чистые белые одежды. Тем же каратистам ничто не мешает использовать *доги*. Ояма Масутацу тоже практиковал *такигё* во время отшельничества и делал это, естественно, в своей форме.
4. За водопадом «Подкова», одним из трёх Ниагарских водопадов, так обожаемых Карэн, есть Пещера Ветров, где по старинным индейским преданиям жил бог грома Хе-Но.
5. В Японии водопады священны и в них, по поверьям, живут духи. Известны случаи, когда священники, во время войн, прятали под водопадами бесценные предметы: свитки, статуэтки, зеркала и т. п. в надежде, что духи защитят их от разграбления и уничтожения.

— Привет, Синобу! Спасибо огромное, что вернула Карэн-тян целой и невредимой! Вот пончики, как и обещал!

— Чавк-чавк-чавк.

— Фух. Вечно она куда-то вляпается! *Если б не я*, она бы вообще ничего не смогла!

— А вот это неправда.

— Что?

— А вот это, говорю, неправда. Чай не ты в тени сестры своей младшей таился, а я, но дело не в этом... *Если б не я*, странствия твоей гигантской сестры по горам прошли бы, поди, куда спокойнее.

— Чт... Что-о? Что ты хочешь сказать, Синобу?

— Я увязалась за сестрой твоей, в тени её утонув, да токмо она ж обычный человек, а не как ты, хозяин мой... Этакая нешуточная ноша истощала её будь здоров! Всё равно кабы она взбиралась в гору со штангой увесистой на плечах.

— Зна... Значит, *из-за тебя* ей было так тяжело? Ты утонула в её тени и тянула на дно?

— Так-то не из-за меня, а *из-за тебя* сестре твоей тяжело было.

— Что ж ты не предупредила-то?! Она там чуть не померла?! Сознавайся!

— Предупредила. Только что. Пончики заполучила — и предупредила. Вон как бывает, когда платишь не сразу. Будешь знать!

— Ах ты!.. Ну ладно, всё-таки, когда было совсем туго, ты приходила ей на помощь. В виде отряда светловолосых кузин... Кстати, Карэн-тян особенно благодарит тебя за тот раз, когда ты помогла ей справиться со страхом в непроглядном тумане и дала толчок вперёд. Говорит, после этого у неё как будто вышла заноза из сердца, которая сидела там давно и всё время нарывала... Хотя мне кажется, это была не заноза, а жало.

— М-м? Ты о чём толкуешь-то — никак не разберу!

— В смысле?

— В последний раз я подсобила ей, когда трав съестных нарвала... А из тумана дорогу искать — не помогала!

— Н-но она же как-то выбралась из тумана?..

— Не на том внимание заостряешь.

— То... Тогда кто же её подталкивал?

— Так правду ведь глаголят — не слыхал? Одиночество — миф. Даже наедине с собой мы не одни.

— ...

— А может, кабы она обернулась тогда в тумане-то, то и увидала бы позади саму себя. Встреча с демонами, встреча с собой... Отсюда и название «Водопад Ога» — водопад самопознания... Кто ведает, какие в ней внутренние демоны сидят, сколько их, что за формы они принимают?

— Имеешь в виду, у неё много разных «я», типа как было много разных версий тебя?

— И в тебе тоже много разных «я», — ты не думай. Что ж, встретиться с собой, познать себя — только начало. Дальше придётся всю жизнь уживаться со своими демонами... Ка-ка!